

Сновидец

Автор:

[Алексей Наумов](#)

Сновидец

Алексей Наумов

Европа второй половины 19 века. После несчастного случая у Нандора появляется необычный и пугающий дар. Спустя много лет юноша начинает понимать, как им пользоваться. Вместе со своим новыми друзьями, сновидцами, он отправляется в увлекательное и опасное путешествие по Царству снов. Им предстоит встретиться со зловещими Стражами снов, узнать, какие тайны скрывает ужасающий туман Нодррауен, и вступить в безжалостную схватку с извечными врагами сновидцев – могущественными магами Севера...

Алексей Наумов

Сновидец

Глава 1

Деревушка, где родился Нандор, стояла на высоком берегу Дуная. Широкий и могучий, Дунай неспешно нёс свои кружевные воды куда-то вдаль, и от его влажного дыхания всё вокруг было зелено, а воздух чист и свеж, точно после грозы.

С детства Нандор любил сидеть на краю высокого песчаного обрыва и смотреть вниз, разглядывая снующие по реке пёстрые рыбацкие лодки, тяжёлые, неповоротливые баржи и лёгкие, грациозные парусники, спешащие после

разгрузки обратно к морю.

«Когда я вырасту, я тоже уплыву на паруснике, как мой дед, – думал мальчик, глядя им вслед. – Я уплыву далеко-далеко и увижу всё на свете, надо только немного подрасти...»

Уголёк сидел рядом со своим хозяином. В отличие Нандора он был занят важным делом – следил за порядком на реке. Он внимательно оглядывал каждое пробежавшее мимо них судёнышко и, если оно казалось ему подозрительным, или две баржи внизу никак не могли разойтись, он поднимал свою косматую голову и негромко рычал, напоминая, кто тут главный.

«Интересно, а корабли видят сны? – размышлял мальчик, положив голову на колени. – Быть может, им снится океан и тропические острова с пальмами... Хотел бы хоть одним глазком увидеть, о чём они думают, когда дремлют у угольной пристани... Хоть одним глазком...»

Весной, когда по всей округе начинали цвести сады, берега Дуная тонули в бело-розовом мареве, и пчелы со всей округи спешили к ним за сладким нектаром, наполняя воздух деловитым гулом. В такие дни Нандору всегда казалось, что это облака спустились с прозрачного апрельского неба и прилегли отдохнуть на мягкой воде, чтобы затем продолжить свой далёкий путь.

«Они как те птицы, что отдыхают в наших полях осенью, перед тем как продолжить свой путь в тёплые края, – думал Нандор. – Жаль, люди тоже не улетают на юг, когда наступает зима... Было бы здорово, улетать вместе с ними и возвращаться обратно только когда весь снег уже растаял и абрикосовые рощи начинают цвести... Да, было бы здорово...»

Притихший Уголёк тоже о чём-то мечтал, но мальчик не знал, о чём именно.

«Может, и Уголёк хочет летать... – думал Нандор, глядя своего друга. – А может, и нет... У собак свои мечты, совсем не такие как у кораблей и людей...»

Мальчик снова смотрел на пушистые облака, и пытался вообразить, как выглядит его родная деревня и он с Угольком с высоты птичьего полёта. Порой ему это удавалось, и он улыбался, но затем ему всегда становилось немного грустно, потому что всё это были лишь мечты, и им никогда не суждено было

сбыться.

«Папа всё время говорит, что мечтать не нужно,- вздыхал Нандор. – Но как же не мечтать, когда сами облака лежат у моих ног и не торопятся улететь?.. Разве это не чудо?.. Разве это не волшебство?.. Наверное, нет, раз я один вижу это...»

Когда небо темнело, а розовые облака вокруг начинали сладко пахнуть фруктовым джемом, Нандор нехотя поднимался и говорил:

– До завтра, облака... Не улетайте пока, пожалуйста... Я ещё не налюбовался вами... Подождите ещё немного... Хотя бы ещё один день... Прошу... Только один...

Потом он спешил домой, а Уголёк радостно скакал вокруг, делая вид, что хочет укусить его за ноги.

Друзья Нандора посмеивались над ним и дразнили его Мечтателем, но мальчик не обижался. Он знал, что бело-розовое чудо скоро исчезнет и ему придётся дожидаться новой весны, а потому утром вновь спешил на берег и был счастлив, видя, что облака ещё тут.

«Интересно, есть ли на свете края, где сады цветут круглый год, и птицы никогда не покидают своих гнёзд? – размышлял он, провожая взглядом новенький, сияющий парусник. – Папа говорит, что это всё выдумки, но Сильвей, слепой старик с рынка, рассказывал, что видел такие земли в юности, когда был моряком... Кто из них прав?.. Непонятно... Но ничего, скоро я всё узнаю сам... Нужно только немного подрасти...»

После того как цветы опадали и внезапно побелевший Дунай уносил их прочь, первые смельчаки отваживались купаться. Они с криком бросались в холодную воду, но тут же выскакивали обратно, клацая зубами и растирая ладонями свои посиневшие тела. Уголёк носился меж ними по берегу и отчаянно лаял, пока кто-нибудь не хватал его и не спихивал в воду. Мокрый и взъерошенный, он пулей выскакивал на берег и начинал валяться в песке, сопя и фыркая, после чего ложился в стороне и больше уже никому не докучал.

Нандор всегда ходил на эти первые омовения, но не лез в реку, потому что ему казалось, что в мутной майской воде притаилось чудовище и оно обязательно

схватит его и утащит в свою подводную нору. Он хорошо помнил дедушкины истории о том, как чудовище утаскивало уснувших рыбаков, а их крохотные лодки находили потом пустыми ниже по течению, там, где Дунай лениво поворачивал на юг. Нандор верил, что чудовище всё ещё живо, хоть дедушка и говорил, что в конце концов отчаявшиеся рыбаки перегородили Дунай металлической сетью и пронзили запутавшееся в нём чудовище большим китобойным гарпуном.

«Ничего ещё не закончилось... – думал он, глядя на тёмную воду. – С чего они все решили, что здесь было только одно чудовище?.. Быть может, их было несколько, и другие чудовища просто затаились на время... Быть может, они до сих пор живут где-то на дне и смотрят на проплывающие над ними корабли своими змеиными глазами... С чудовищами никогда нельзя быть ни в чём уверенным... Кто знает, что у них на уме...»

Страшась попасть в лапы чудовищу, Нандор никогда заплывал на середину реки, предпочитая барахтаться у берега, и уж конечно никто не мог уговорить его спрыгнуть в Рыбачий омут со Старого моста, как это делали некоторые сорвиголовы.

«Может быть, чудовище дожидается именно меня, – размышлял мальчик, разглядывая с высоты моста кружащийся внизу чёрный омут и головы смельчаков, что отважились туда спрыгнуть. – Может, оно знает моё имя и ему не нужен никто другой... Дедушка говорил, что однажды чудовище целых полгода подстерегало рыбака, которому удалось от него ускользнуть прежде, а потом, одним сентябрьским утром, его пустую лодку прибило к Сухому острову за поворотом, и все сразу поняли, что чудовище победило... Может быть, именно это хитрое чудовище и уцелело тогда, а в сети попало другое, глупое, а люди решили, что всему конец... Но я-то знаю, что это не так... Рыбачий омут глубокий, тут кто угодно может спрятаться... Нет, я не буду прыгать... Может быть, в другой раз, в следующем году, когда немного подрасту...»

Нандор пятился от края и каждый раз готов был поклясться, что в этот самый миг вода внизу начинала бурлить, точно в глубине кто-то большой и сильный сердился и шевелил своим гигантским хвостом...

Лето, когда Нандору исполнилось десять, было на редкость сухим и жарким. Каждую ночь в небе мелькали далёкие сполохи зарниц, и ветер доносил до деревни глухие раскаты грома, но дождя всё не было, и поля совсем пересохли.

Старики качали головами и говорили, что это не к добру, и что если так пойдёт и дальше, весь урожай погибнет. От страшной духоты и зноя было только одно спасение – быстрые воды Дуная и окрестные мальчишки целыми днями не покидали его берегов, и, конечно же, прыгали со Старого моста в вечно ледяную воду Рыбачьего омута.

«Наверное, чудовищу тоже жарко, – думал Нандор сидя вечерами над обрывом. – Может, оно выплывает ночами, чтобы остыть и посмотреть на луну?.. Дедушка говорил, что все чудовища любят луну, потому что она не выставляет напоказ их уродство... Наверное, это ужасно скучно, весь день лежать на дне в одиночестве среди скользкого чёрного ила и поджидать меня... Да, чудовищам не позавидуешь... Но на то они и чудовища...»

В тот памятный день жара стояла просто испепеляющая. Всё в округе замерло и только невидимые глазу жаворонки пели в сияющем небе, поднимаясь всё выше и выше над раскалёнными полями. Ребята собрались пойти на реку ещё до завтрака, и Нандор охотно присоединился к ним.

– Айда на Старый мост, – предложил кто-то. – Там самая холодная вода, а на обратном пути мы можем заглянуть на пекарню. Быть может, толстый пекарь Пети опять угостит нас свежими лепёшками, а если нет, то мы попробуем стащить пару штук, когда он отвернётся...

– Айда, – согласились остальные. – Нет ничего лучше холодной воды в такую жару и свежих лепёшек от Пети.

Идти было не далеко, но солнце пекло столь немилосердно, что казалось, будто уже давно миновал полдень. От жары и ослепительного света, голова у Нандора немного кружилась и его подташнивало. Мальчик шагал, как во сне, и так же, словно во сне, поднялся со всеми ребятами на мост. Он вовсе не собирался прыгать в то утро, а просто хотел в который раз убедиться, что его чудовище всё ещё там, внизу, и не забыло про него. Нандор рассеянно смотрел, как его друзья один за другим прыгают в омут, а затем подошёл к перилам и глянул вниз. Вода в омуте была похожа на расплавленное золото, струящееся меж чёрных свай. Это было красиво и жутко, и мальчик на мгновение зажмурился и отпрянул.

– Смотрите-ка! – донеслось до него снизу. – Мечтатель снова трусит!

– Эй, Мечтатель, прыгай к нам! – раздался другой голос и звонкий смех.

– Давай, давай! – закричали все разом. – Прыгай! Вода отличная!

– Вовсе я и не трушу, – пробормотал Нандор, сквозь окутывавшую его жаркую дремоту. – Я сейчас... Я тоже прыгну... Вот увидите... Я совсем не трус... Это просто чудовище... Моё чудовище... Вы не знаете... Никто не знает... Я сейчас...

Плохо понимая, что он делает, мальчик перелез через перила и встал лицом к бездне. Смех внизу стих. Время будто остановилось, и вокруг вдруг стало так тихо, как бывает только перед опасным прыжком воздушного гимнаста из-под самого купола цирка. Медленно, один за другим, Нандор разжал сжимавшие горячие перила пальцы, и когда обе его руки стали свободными, он развёл их в стороны, точно это были крылья. Он всё ещё медлил, покачиваясь на носках взад вперёд, не решаясь сделать последний шаг, как вдруг ему показалось, что кто-то окликнул его сзади. Он повернул голову и увидел странного полуголого старика с огромными глазами и длинной седой бородой, украшенной яркими бусами. Старик пристально смотрел прямо ему в глаза, а затем, оскалив белоснежные зубы, протянул к нему свои костлявые руки.

– А-а-а, – закричал Нандор, взмахнул руками и вверх тормашками полетел вниз...

Солнце и небо на секунду смешались в его голове в один слепящий комок, после чего он тяжело ударился о воду, и его окутала гулкая тишина. Мальчик забарахтался, сиюсь всплыть на поверхность, но руки и ноги его не слушались. Он погружался всё глубже и глубже в холодные глубины Рыбачьего омута, и перед тем как окончательно потерять сознание, с ужасом увидел, как навстречу ему поднимается какая-то громадная тень...

Нандор пробыл в воде довольно долго: течение унесло его безвольное тело под мост и когда мальчишки наконец-то нашли его и вытащили на берег, он был блее бумаги и не дышал. К счастью, прибежавшие на помощь прохожие, сумел вернуть его к жизни, и спустя несколько мгновений мальчик вздохнул, закашлялся и ненадолго пришёл в себя.

– Вы видели того ужасного седого старика, что хотел столкнуть меня в воду? – первым делом спросил он. – Видели? Где он? Это всё он! Он!

Ребята и прохожие удивлённо переглянулись и пожали плечами.

– Там не было никакого старика, – сказал кто-то. – Никто тебя не толкал. Ты перелез через перила, а потом вдруг чего-то испугался, закричал и упал вниз... Ты ударился о воду спиной и сразу пошёл на дно... Мы уж подумали, ты утонул, но течение вынесло тебя на отмель...

– А чудовище?.. – прошептал Нандор, вновь начиная терять сознание. – Я видел чудовище... Оно прячется на дне... Я видел его... Вы видели его?.. Кто-нибудь?..

– Он бредит, – сказал один прохожий другому. – Нужно срочно отнести его домой и послать за лекарем... Так долго пробыть под водой и уцелеть, это просто чудо... Нам нужно спешить...

Они подняли бесчувственное тело Нандора и в сопровождении ватаги перепуганных ребят понесли его к дому.

Глава 2

Более трёх суток Нандор метался в бреду, кричал и отмахивался от чего-то руками, но на четвёртый день жар внезапно спал, и мальчик быстро пошёл на поправку.

Друзья часто навешали его, а Уголёк так и вовсе целыми сутками лежал у его ног и ворчал на доктора, который приносил мальчику горькие лекарства. Нандору становилось лучше и лучше, и спустя неделю он как ни в чём ни бывало, вновь играл со своими товарищами. Казалось, всё опять пошло своим чередом, и люди стали забывать о его падении, когда на исходе второй недели Нандора внезапно начали преследовать странные видения...

Они обрушивались на мальчика незадолго до наступления темноты, усиливаясь с наступлением ночи и становясь невыносимыми, когда в доме все засыпали.

Вначале, Нандор думал, что у него снова поднялась температура, и он бредит. Не желая попусту беспокоить своих родителей, он тихо лежал в кровати, положив на голову холодное полотенце, и терпел, но легче ему не становилось...

Галлюцинации окутывали его своей паутиной и зачастую, Нандор не понимал, где находится. Как правило, его видения они были незамысловаты: он оказывался среди пасущихся коров, ил в кругу друзей, или своих сестёр и братьев, но иногда... Иногда мальчик точно наяву видел перед собой невероятных животных, диковинные чужеземные страны, огромных траурных птиц с головами пантер, а однажды, он даже путешествовал к далёким звёздам и купался в солнечном огне, точно это были воды его родного Дуная. Нандор не понимал, что с ним твориться, и чем дольше это длилось, тем меньше ему хотелось говорить об этом кому либо.

«Температуры у меня нет, а значит, я здоров, – размышлял он, ворочаясь в своей кровати и ощупывая прохладный лоб. – А если так, то кто поверит моим словам?.. Отец опять скажет, что я просто слишком размечтался и мне пора повзрослеть... А то и вовсе, чего доброго решит, что я сошёл с ума... Но я не сошёл с ума... Я просто маленький мальчик, который видит что-то странное... Просто маленький мальчик... Обычный мальчик...»

Под утро видения, как правило, стихали, и измученный Нандор засыпал, а когда его вскоре будили, вставал совершенно разбитый. Весь день он клевал носом и норовил уснуть в самых неподходящих местах, иногда даже стоя, а с наступлением темноты всё повторялось, и спустя неделю, мальчик и сам уже начал думать, что сходит с ума. Он обречённо сидел в кромешной тьме на кровати, обхватив голову руками и зажмурив глаза, чтобы ничего не видеть, но от этого видения становились лишь ярче и он уже не знал, что ему делать. Наконец, после ещё одной недели таких мучений, Нандор всё же решился и рассказал о своей беде маме, но простая женщина не поняла, о чём толкует её сын. Пощупав ему лоб и покачав головой, она, недолго думая, отвела мальчика к пастору Мизи.

Пастор был толст, добр и туговат на ухо. Когда он шёл по улице, мальчишки дразнили его из-за заборов, но Мизи их не слышал (или делал вид, что не слышит) и продолжал свой путь с добродушной улыбкой на лице. Он вполне искренне желал помочь мальчику, и долго беседовал с ним о его видениях, но, увы, мало что понял, а потому, на всякий случай, объявил, что в «малыша» вселился злой дух и тому следует чаще бывать в церкви. С тех пор Нандор

исправно посещал церковь каждый день и, хотя пользы от такого лечения было мало, там он по крайней мере мог хоть немного вздремнуть после бессонной ночи под монотонное бормотание пастора.

«Наверное, это то чудовище из Рыбачьего омута заколдовало меня... – размышлял мальчик, сидя вечерами на берегу реки. – Или тот ужасный старик с глазами колдуна... Кто-то из них сделал это... Я знаю... Только зачем?.. Что я им сделал?.. Я же просто маленький мальчик... Не пойму...»

Спустя месяц видения мальчика обострились до такой степени, что он больше даже не пытался ложиться спать вечером, предпочитая до рассвета бродить вокруг дома в компании сонного Уголька, держась за голову и грустно вздыхая. Он ходил и ходил, и ходил, не чувствуя под собой ног, а странные видения разворачивали перед ним свой пёстрый ковёр, и порой он не знал, идёт ли он или летит.

Во время одной из таких утомительных ночных прогулок, мальчик решил ненадолго прилечь на сеновале, что стоял в стороне от дома. Подойдя к нему, он неожиданно для себя почувствовал, что его видения становятся менее яркими по мере того, как он удаляется от дома. Чтобы удостовериться в своём чудесном открытии, мальчик ускорил шаг, а затем и вовсе побежал прочь от деревни, прямо на пустынный берег Дуная, к своему излюбленному месту у обрыва. Там, он с несказанным облегчением осознал, что странные видения почти полностью покинули его. От счастья Нандор немедленно забрался под ближайший куст и мгновенно уснул, да так крепко, что не слышал и не видел ничего вокруг. Он проспал почти сутки, а когда, счастливый, отдохнувший и жутко голодный, вернулся домой, там царил страшный переполох. Накануне кто-то из соседей видел, как Нандор в сумерках побежал к реке, и не вернулся обратно. В деревне и так уже ходили нехорошие слухи о его странном поведении, а потому, когда на утро его спохватились, на ноги была поднята вся деревня. Его искали по всему берегу, и рыбаки проверяли свои сети, но никто не догадался заглянуть под куст над обрывом, где мирно сопел Нандор. Мальчику тогда здорово досталось от отца, но, несмотря на это, на следующую ночь он вновь сбежал из дому, едва почувствовав, что видения снова начали окружать его. На этот раз он решительно направился в лес и провёл ночь под большим дубом, соорудив себе отличную постель из сухой травы и накрывшись вместо одеяла прихваченным из дома рваным мешком. Он вернулся в дом на заре, чтобы его отсутствие не заметили, но встревоженная мать уже ждала его на пороге, и ему пришлось всё ей рассказать. Поохав и поплавав, она согласилась, что раз странный недуг так

досаждают её ребёнку дома, но не тревожит снаружи, то так тому и быть.

– Только тебе не стоит спать в лесу, точно дикому зверю – сказала она, обнимая сына. – У тебя должна быть хоть какая-то крыша над головой. Вот как мы поступим. На краю пшеничного поля есть старый сарай, который мы больше не используем. Будет лучше, если ты станешь ночевать в нём. Я отнесу туда сухой соломы, а отец подлатает крышу. Я уверена, что ты скоро поправишься и вернёшься в дом, и мы опять заживём по-старому, как и полагается.

Нандор с радостью принял это предложение. Он готов был жить где угодно, только бы докучавшие ему видения хоть ненадолго оставили его в покое.

В течение следующих дней родные устроили Нандору маленькую спальню в старом сарае, в котором даже не было окна, а дверь нужно было подпирать камнем, чтобы она не упала, но мальчик был счастлив.

«Теперь у меня есть свой домик... – с улыбкой думал он. – Ничего, что он небольшой... Мне и Угольку вполне хватает тут места, если сильно не вытягивать ноги... Зато у меня есть своя собственная спальня... Ни у кого в деревне нет собственной спальни, а у меня есть... Я живу как принц... Да...»

Отныне, после простого и сытного крестьянского ужина, Нандор желал всем спокойной ночи и шёл в свой «Замок», как его прозвали местные ребята, чтобы провести ночь там. Весть о том, что младший сын Элика, пахаря, спит отдельно ото всех, быстро облетела округу. Товарищи стали потешаться над Нандором, а некоторые даже бросали камни в его домик. Мальчик мужественно сносил все насмешки, а Уголёк, которому не нравилось, когда его сон тревожат, как-то раз не удержался, выскочил из «замка» и разорвал штаны двум метателям камней. С тех пор их больше никто не тревожил, и они мирно спали, прижавшись друг к другу.

«Всё же мне интересно, – размышлял Нандор, лежа в своей «спальне». – Почему чудовище просто не съело меня тогда?.. Может, оно ошиблось и приняло меня за кого-то ещё?.. А может, это было не моё чудовище, а чужое?.. Но тогда где же моё?.. Неужели оно забыло про меня?.. Странно...»

Время шло, но загадочная болезнь не оставляла мальчика. Много раз он думал, что выздоровел, и пытался спать дома, но всё было тщетно. Лишь только звёзды

зажигались на ночном небе и все засыпали, видения окутывали Нандора, словно гигантские сети, и он вынужден был покинуть родной кров и брести в свой сарайчик, который стал для него настолько мал, что ему пришлось сделать маленькую пристройку, чтобы можно было вытянуть во сне ноги. Постаревший Уголёк теперь мало бегал и всё больше спал, свернувшись на соломе. Только в тёплые, погожие дни он сопровождал мальчика на прогулку, но если дул ветер и небо заволакивало тучами, то он даже носу не показывал наружу, предпочитая весь день дремать на своей подстилке.

– Ничего, Уголёк, – говорил Нандор, поглаживая своего верного друга. – Ничего... Я тебя не брошу, как ты не бросил меня... У тебя всегда будет крыша над головой и вдоволь косточек... Спи, приятель, спи... Всё будет хорошо...

Самому Нандору жить становилось всё трудней. В деревне его избегали и даже родные братья и сёстры смотрели на него косо. Отец и вовсе считал, что Нандор всё выдумывает и его нужно отправить в армию, где от всех его хворей очень скоро не останется и следа. Только мать, да маленькая соседская девочка Тека не сторонились Нандора, и всегда были приветливы и милы. Тека часто навещала его и, сев на камень рядом с его «замком», просила рассказать ей, что он видит. Поначалу Нандор смущался, думая, что девочка хочет просто подшутить над ним, но у неё и в мыслях не было смеяться над мальчиком. Ей очень нравились его истории о чудовище, о странных животных и о летающих людях, которых она, как и Нандор, иногда видела в своих снах.

– Как странно, – говорила она. – Я никому до этого не рассказывала про летающих людей, а ты всё про них знаешь. Отчего так?

– Я не знаю, – смущённо отвечал Нандор. – Наверное, это из-за того, что меня заколдовал старик со Старого моста. Никто не верит, что я его видел, но это правда. Он наверняка какой-нибудь злой странствующий волшебник, который насылает порчу на детей и коров.

– Я тебе верю, – говорила Тека и её щёки покраснели. – А расскажи ещё раз, пожалуйста, о твоём чудовище, что живёт в Рыбачьем омуте и любит смотреть на луну... Это так чудесно, иметь своё собственное чудовище... Это даже, наверное, лучше чем новое платье...

Как-то раз, весной, когда облака по привычке отдыхали на воде, вернувшийся вечером с обрыва Нандор нашёл Уголька совершенно больным. Накануне тот ничего не ел, а теперь даже не мог встать на ноги, чтобы поприветствовать своего хозяина, а только слабо помахал хвостом. Нандор просидел с ним всю ночь, глядя по голове и давая ему воду. Уголёк тяжело дышал и с благодарностью лизал руки мальчику, а под утро его маленький друг в последний раз лизнул ему руку, тяжело вздохнул и уснул, чтобы никогда уже больше не проснуться. Прибывшая навестить мальчика Тека горько расплакалась узнав о смерти Уголька. Нандор вырыл для Уголька могилу недалеко от обрыва, а Тека положила на холмик большой венок из луговых трав.

– Прощай, Уголёк, – сказал Нандор, с трудом сдерживая слёзы. – Ты был мне верным другом. Я никогда тебя не забуду.

– Прощай, Уголёчек, – рыдала Тека. – Ты был таким хорошим! Я буду навешать тебя, часто-часто!

В тот вечер они долго просидели на берегу вместе, а ещё через неделю Нандор по секрету рассказал девочке, что вскоре покидает родную деревню.

– Но почему? – воскликнула девочка.

– Мне уже 16, – ответил Нандор. – В этом возрасте мой дед уже два года как служил юнгой на шхуне и успел пересечь экватор. А что ждёт меня здесь? Все сторонятся меня, точно я чумной. Я не хочу вечно спать в сарае и слышать насмешки. Я хочу увидеть мир.

– Но я не сторонюсь тебя... – прошептала девочка, едва дыша от волнения. – Я не никогда не смеюсь над тобой... Я... Я...

– Я благодарен очень тебе, Тека, – не дал ей закончить нетерпеливый Нандор. – Поверь, я всегда буду помнить твою доброту. Ты и моя мама, вы единственные люди, которыми я дорожу здесь, но я уже вырос. Мне пора уходить.

– Но куда же ты отправишься? – спросила девочка, стараясь спрятать слёзы. – Твой дом здесь. Разве ты не будешь скучать по весеннему Дунаю, по полям пшеницы, по старой мельнице у Персикового ручья? Кто тебе поможет, если ты вдруг заболеешь? Кто поддержит тебя? Кто будет рядом в трудную минуту? Кто,

скажи?..

Нандор высокомерно улыбнулся.

– Ты просто маленькая девочка, которая не понимает, что творится на душе у мужчин, – ответил он, и ему самому вдруг стало неловко от своего тона. – Понимаешь, Тека... Меня словно зовёт за собой ветер... Я точно дикий гусь, который должен лететь за своей стаей... Пусть мой путь будет не близок и опасен, но я должен, понимаешь, должен идти... Должен...

– Может, я и маленькая девочка, – топнула ногой Тека, – но я тоже кое-что чувствую! А ты... Ты... Ты можешь идти куда хочешь! Я не буду скучать!

С этими словами Тека расплакалась, вскочила на ноги и убежала, и прежде чем растерянный юноша смог её остановить, исчезла в лесу.

«Странно, – думал Нандор той ночью, ворочаясь в своём хлипком сарайчике. – Почему она так разволновалась? Можно подумать, что это ей, а не мне нужно покидать родной дом... Вечно с этими девчонками какие-то проблемы... Что они могут знать о том, что творится у меня в душе... Никто не может этого знать... Никто...»

Но Нандор ошибался. Его мать чувствовала, что её сын вдруг изменился, и на заре, когда он собирался тайком покинуть деревню, она встретила его на краю поля.

– Сынок, – сказала она, прижимая к себе Нандора. – Мой любимый мальчик! Как жаль, что ты покидаешь нас, но уж такая, видать, у тебя судьба. Ты всегда отличался от своих братьев и сестёр. В тебе кипит кровь твоего деда. Так уж случилось, и этого не переменить. Иди, куда следует, и не забывай про свой дом и своих родных. Знай, мы всегда будем рады тебе.

Слёзы выступили на глазах юноши от таких слов.

– Я всегда буду помнить, откуда я родом, и не посрамлю нашего имени, – ответил он. – Не переживайте за меня. Я не пропаду. Я вернусь.

Они расстались, и Нандор поспешил дальше, боясь оглянуться, чтобы не пасть духом и не вернуться обратно. Однако на другом конце поля его ждала ещё одна встреча. Маленькая Тека стояла там, потупив свой взор. Её платье было мокрым от росы. Она, должно быть, встала ещё затемно, а может и вовсе не ложилась, чтобы успеть добраться сюда и проститься с Нандором.

– Вот, – сказала она место приветствия, протягивая что-то зажатое в её кулаке. – Возьми... На память...

Она вложила свой подарок Нандору в руку и хотела убежать, но юноша остановил её. Он раскрыл ладонь и увидел там крохотное медное колечко.

– Его подарила мне мама, – пролепетала пунцовая от смущения девочка. – Оставь его у себя, и когда тебе станет грустно или одиноко, посмотри на него и тебе будет легче вспомнить свой дом и... и меня...

– Оно всегда будет со мной, обещаю, – очень серьёзно ответил Нандор. – Спасибо тебе, Тека. За всё.

Он обнял окаменевшую от смущения девочку и поцеловал её в щёку, как целовал своих сестрёнок.

– Прощай, Тека, – сказал он, выпуская её из своих объятий. – Однажды ты ещё услышишь обо мне! Прощай!

– До свидания... – с трудом вымолвила девочка, держась за щёку. – Не забывай нас... Мы... я... Я буду скучать, Нандор! Я буду очень по тебе скучать!

Но юноша только рассмеялся в ответ и махнул ей рукой на прощанье.

Когда солнце осветило Дунай, Нандор уже миновал Старый мост, мимоходом бросив прощальный взгляд на Рыбачий омут, и двинулся дальше, по большой дороге, держа свой путь в столицу.

«Вот я и свободен! – говорил он себе, чеканя шаг по пыльной дороге. – Совершенно свободен! Я могу идти куда захочу, и никто-никто в целом свете не может мне запретить это. Разве это не чудесно?.. Именно об этом я всегда и

мечтал... Именно об этом... Да...»

Солнце приветливо улыбалось путнику, и сердце юноши пело, а на его груди, в такт шагам, на тонком кожаном ремешке покачивалось крохотное медное колечко, и отчего-то Нандору было приятно ощущать его робкую прохладу.

Глава 3

Прошло три года. Нандор успел много повидать за это время. Он уже не был тем скромным и робким деревенским мальчиком, который с разинутым ртом рассматривал большие дома в городах и показывал пальцем вслед богато украшенной карете. Он стал более сдержанным и уверенным в себе юношей, который не разучился мечтать и видеть в окружающем мире красоту. И уж конечно он был абсолютно уверен, что он знает всё на свете и никто не сможет его облапошить...

Юноша был хорошим и честным работником, однако мало где задерживался, поскольку никак не мог уснуть в одной комнате с другими людьми, отчаянно мучаясь своими навязчивыми видениями. Юноша рыл колодцы, чинил кровлю, был конюхом и помощником кузнеца, торговал тканями и зерном, а один раз даже немного послужил в цирке, и всё же, он по-прежнему всюду был чужим, и оттого он вновь и вновь пускался в странствия, пытаясь найти тот краешек земли, где ему будут рады.

«А есть ли такой край? – размышлял он порой, шагая по очередной дороге навстречу новым приключениям. – Быть может, такого края вовсе и нет... Быть может, я всю жизнь буду скитаться с места на место... Что толку от свободы, когда ты всем чужой и на тебя косятся, узнав, что ты как дикий зверь предпочитаешь спать один, в лесу... Э-хе-хех... Стоило ли ради этого покидать отчий дом?..»

Но всё же, где-то в глубине души, Нандор верил в то, что он найдёт своё место под солнцем. Какая-то его часть непрерывно нашептывала ему, что всё будет хорошо и что ему следует верить своему сердцу и продолжать идти выбранной им дорогой. И юноша верил и шёл вперёд, невзирая на голод, усталость и плохую погоду. Шёл, ведомый своими мечтами, и новые города и лица мелькали

перед его глазами.

К тому времени Нандор уже догадался, что его недуг как-то связан со спящими людьми. Теперь он старался найти работу в деревнях или на окраинах городов, чтобы после трудового дня ночевать в стогу сена или в лесу. Юноша даже рассчитал расстояние, на которое ему нужно было удалиться, чтобы видения не беспокоили его. Оно равнялось примерно 500 шагам. Сделав их, он мог быть уверен, что сможет уснуть и ничто не потревожит его покой. Ещё он выяснил, что время года также имело значение. Нандор обратил внимание, что весной и летом его видения становятся ярче и красочней, тогда как зимой и осенью они обычно были серыми и печальными.

Временами он обращался к различным лекарям и знахарям в надежде исцелиться, но как вскоре он убедился, всё это было лишь напрасной тратой денег и времени. Все эти шарлатаны в один голос убеждали юношу, что помогут ему, но ни один не справлялся с задачей, хоть и пичкали его всякой гадостью круглые сутки. Крысиные хвосты, крылья летучих мышей, тропические жуки, горькие коренья и кислые ягоды, вонючие настойки и отвратительные мази, что только не перепробовал Нандор и, в конце концов, решил никогда больше не поддаваться на их уговоры.

«Лучше спать в лесу, чем мазаться слоновьим потом, ставить на макушку горчичники с кайенским перцем и пять раз в день пить настойку из шкуры бородавочника! – думал он. – Нет уж, спасибо! Я лучше буду болеть, чем так лечиться...»

Кто знает, возможно, необразованный юноша проскитался бы всю жизнь, так и не догадавшись, какой дар скрывается в нём, если бы судьбе не было угодно свести его с великим аферистом и прохиндеем Сальвадором Манчини, известным во многих странах под дюжиной различных имён и прозвищ. Эта встреча изменила всё.

Сальвадор рос обычным мальчиком, сыном пекаря. Хоть его семья и не голодала, как многие вокруг, денег у них вечно было в обрез, так что мальчик донашивал лохмотья своих братьев, а о паре ботинок даже и не мечтал. В двенадцать лет он сбежал из дому и скитался по городам, добывая себе пропитание воровством. В четырнадцать он в первый раз попал в тюрьму, а в семнадцать оказался на каторге. Однако, несмотря на все свои прегрешения, в душе Сальвадор не был преступником. Скорее, он был артистом, который, правда, был не прочь

выманить тугой кошелёк у своего доверчивого зрителя... Но однажды, увидев, как какой-то богач щедро расплачивается золотыми монетами в дорогом магазине за корзину фруктов, которая на рынке стоила бы всего несколько грошей, Сальвадора осенило.

– Какой смысл красть пару медяков в толпе на ярмарке, если можно дурачить богатеев, отбирая у них золото мешками? – спросил он себя. – Наказание всё равно будет одинаковым, так стоит ли мелочиться? Ты был дураком, Сальвадор Манчини, но ты будешь полным идиотом, если не сделаешь должных выводов. Решено, отныне я ни трону ни единой медной или серебряной монеты, даже если их будут горстями сыпать прямо мне под ноги. Теперь только золото и драгоценные камни будут наполнять мои карманы. И не просто наполнять! Глупые богачи будут сами класть их туда, да ещё выстраиваться в очередь, чтобы поскорее сделать это. О да!...

Сказано – сделано. Используя свой поразительный дар красноречия и те сведения, что он подчерпнул у своих товарищей по каторге, Сальвадор стал богатеть не по дням, а по часам. Он предстал перед богатой публикой в самых различных нарядах и масках, под звучными именами и титулами, и практически неизменно пользовался невероятным успехом. Он дурил лордов и пэров, баронов и герцогов, принцев и шахов, богатых купцов и бывших пиратов, банкиров и менее удачливых авантюристов, словом всех, всех, всех, у кого водилось золото и драгоценности. В последние годы Манчини представлялся Лунным Прорицателем из Мадраса. Он предстал перед своей публикой в самой таинственной обстановке, облачённый во всё чёрное, и уверял праздных богатеев, что умеет читать мысли при помощи магического шара и отгадывать значение снов. При помощи гипноза, мелкого мошенничества и дара убеждения он с лёгкостью заставлял их расставаться со своими богатствами и всегда успевал исчезнуть прежде, чем его обман был раскрыт. Единственное, чего никак не удавалось Манчини, так это обмануть какого-нибудь короля, но мошенник не отчаивался, уверенный, что однажды покорит и эту недостижимую высоту.

– Это просто вопрос времени, Сальвадор, – говорил он себе каждый день. – Просто вопрос времени и всё. Мне обязательно представится такая возможность, и уж я-то своего не упущу...»

В тот момент знаменитый аферист путешествовал «инкогнито», так как после его последнего «сеанса» толкования снов в Лондоне, за ним по пятам шли

частные сыщики, нанятые одной высокопоставленной особой, желавшей получить обратно свои фамильные драгоценности... Чтобы сбить преследователей с толку и пустить их по ложному следу, Манчини нанял актёра, весьма похожего на него, и велел тому взять самую быструю карету и мчаться на ней что есть духу через всю Европу к Босфору, а оттуда в Персию. По пути актёр должен был швыряться деньгами и вообще вести себя весьма экстравагантно и вызывающе, дабы привлечь к себе как можно больше внимания. Тем временем сам Манчини, одевшись как можно проще и неприметнее, неспешно двинулся окольным путём в Марсель, совершая небольшие дневные переходы, питаясь в скверных тавернах и ночуя в самых дешёвых трактирах. Никому и в голову не могло прийти, что в потрёпанном дорожном саквояже какого-то небритого бродяги лежит целая гора драгоценностей.

Итак, в одну из ночей, застигнутые беспощадным ливнем Нандор и Манчини одновременно подошли к дверям небольшого трактира и попросились на ночлег. У хозяина была только одна свободная комната, и он сказал, что «господа могут поделить её, если изволят...» Смерив друг друга подозрительными взглядами, продрогшие путники решились поселиться вместе, так как ни тот ни другой не желал мокнуть на улице.

«Пусть я и не усну, – подумал юноша, – но, по крайней мере, проведу ночь в тепле и высушу свои штаны и куртку. Завтра наверняка выглянет солнце, и я смогу выспаться в лесу по дороге в город...»

«Спать мне, конечно же, будет нельзя, – думал в свою очередь Манчини, – а то чего доброго этот малый украдёт мои сокровища, но зато я смогу сытно поужинать и как следует обогреться. Сыщики вряд ли будут искать меня в этой жалкой дыре с клопами и крысами...»

Поужинав и развесив по комнате свой бельё, оба путешественника закутались в одеяла и уселись друг напротив друга в своих жёстких кроватях, готовясь провести бессонную ночь. Мало-помалу между ними завязался непринуждённый разговор. Сальвадор умел входить в доверие и через пару часов знал всю историю Нандора, начиная с того момента, как он свалился в Рыбачий омут и заканчивая сегодняшним дождливым днём. К полуночи, глаза шарлатана лихорадочно сверкали, так как в его уме уже вырисовывался новый план грандиознейшей аферы, в сравнении с которой все его предыдущие «достижения» меркли, как меркнут звёзды, когда восходит солнце.

«Если я прав, – размышлял Манчини, – то видения этого чудака не что иное, как сны других людей! Этот простак даже не подозревает, какие возможности сулит его дар в руках предприимчивого человека вроде меня... Мамма мия! С таким помощником для меня не будет ничего невозможного! Я поднялся до головокружительных высот, дуря богатых глупцов дешёвыми фокусами, что же будет, когда я действительно смогу знать их сны?! Боже мой!.. Боже мой!..»

От волнения Прорицатель из Мадраса вскочил на ноги и зашагал между кроватями, представляя себя в роскошных покоях, самого короля и королевы, и толкующего их сны.

«Если с умом распорядиться королевскими связями, (а это я умею), они дадут мне такое влияние, что мне даже и не снилось! – думал Манчини, беспокойно шагая из угла в угол. – Может быть, я даже женюсь на дочери какого-нибудь императора и тогда, тогда... О, мамма миа!..»

Но внезапно Манчини похолодел и застыл на месте. Страшное подозрение закралось в его душу.

«Стоп! – подумал он, вновь принимаясь внимательно разглядывать честную физиономию Нандора. – А уж не хочет ли этот малый сыграть со мной ту же шутку, что разыгрываю я сам?.. Сейчас он попросит меня уснуть, чтобы доказать, что он может видеть мои сны, а сам тем временем стащит все мои драгоценности! О, это было бы ужасно глупо, попасться на удочку какого-то афериста! Однако, мне определённо нужно его испытать, но вот как...»

Манчини задумчиво побродил по комнате, а затем радостно хлопнул себя по лбу.

– Знаете, – сказал он самым любезным тоном, на который был способен, – я немного смыслю в медицине, и мне кажется, что я догадываюсь, в чём причина вашей ужасной болезни.

– Правда, – обрадовался Нандор. – И что же это? Прошу, подскажите мне, потому что все доктора, к которым я обращался, лишь разводят руками и отправляют меня к знахарям, а те только и знают, что берут деньги и прописывают такое, что мне даже не хочется об этом вспоминать...

– Не беспокойтесь, друг мой, – заявил Манчини. – Я не из их числа. Я не заставлю вас глотать мерзкие пилюли и уж тем более не возьму с вас денег. Мне кажется, что то, чем вы страдаете, является очень редким недугом, известным науке под именем *Magnum Ranam Viridis**.

– Как-как? – переспросил юноша. – Маум раман что?

– *Magnum Ranam Viridis* – с учёным видом повторил шарлатан. – Это латынь. Я изучал её по ту и по эту сторону Эгейского моря, и поверьте, кое-что в ней смыслу... Итак, если мне не изменяет память, то это заболевание широко распространено на берегах Верхней Амазонки, и я, признаюсь, весьма удивлён, встретить его здесь, в наших краях. Вы случайно не с берегов Амазонки прибыли, друг мой? Признавайтесь!

– Нет, нет, что вы! – испуганно замахал руками Нандор. – Я и слышать о ней не слыхивал! Как я уже сказал, я родился в маленькой деревушке на берегу Дуная, честное слово!

Манчини пристально посмотрел в глаза молодому человеку, а затем широко улыбнулся.

– Что ж, я вам верю. Я вижу, вы честный малый, и даю вам слово, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вам, хотя, как вы уже сами, наверное, догадались, это весьма тяжёлый и опасный недуг.

– Но его можно вылечить? – спросил Нандор. – Очень уж мне неохота всю жизнь вот так вот маяться... Может, есть какое-то средство?..

– Случаи излечения мне известны, – обнадежил юношу шарлатан. – Но сначала мне нужно узнать, как далеко зашла ваша болезнь. Мне нужно осмотреть вас и кое-что проверить... Я могу это сделать прямо сейчас, если пожелаете... Вы готовы?

– Конечно!!!

– Вот и славно. Приступим-с...

Для начала Манчини с умным видом заглянул Нандору в глаза, затем в уши, заставил показать язык и покашлять. Затем он помял ему живот, спину, постучал по коленям, а в завершение пощекотал юноше ладони.

- Так, так, так... - задумчиво бормотал аферист, закончив свой осмотр. - Tibialia et Braccis...** Понятно, понятно...

- Что? Что понятно? - волновался юноша. - Всё хорошо? Есть ещё надежда?

- Пока не ясно... Пока не ясно... - задумчиво качал головой мошенник. - Теперь вы должны ещё кое-что сделать... Следуйте со мной.

Сальвадор вывел недоумевающего юношу в коридор и подвёл его к одной из дверей.

- У вас есть какие-то видения прямо сейчас? - спросил он Нандора.

- Да, - кивнул тот. - Я вижу огромного жареного быка, фаршированного колбасами и куропатками, а рядом толпа людей с кувшинами вина. Похоже, у них какой-то праздник.

- Угу... - пробормотал Манчини, записывая что-то в маленький блокнотик. - Угу... Так, хорошо, пройдёмте дальше.

Они остановились у следующей двери.

- А теперь что вы видите? - спросил он. - Снова быка?

- Нет, - замотал головой юноша. - Теперь я вижу мальчика, который бежит вдоль реки. Ему весело и он смеётся и прыгает. Кажется, он поймал свою первую большую рыбу и несёт её домой...

- Ага, - записал Манчини. - Чудесно... Дальше. Тут что вы видите?

- Сейчас я вижу женщину в подвенечном платье с цветами в руках и в окружении её подруг. Она выходит из церкви и сияет от счастья...

– Превосходно... просто превосходно... – продолжал писать Манчини.

Так они обошли все двери на втором этаже, и шарлатан записал всё, что ему сказал Нандор.

– Ну, – не выдержал юноша. – Что вы теперь скажете? Я смогу когда-нибудь вылечиться?

– Мне всё ещё трудно сказать наверняка, – наморщил лоб Манчини, – но мне кажется, что всё не так плохо, как я сначала подумал. Да, всё очевидно небезнадёжно, но мне нужно ещё немного подумать и свериться со своими научными книгами. Кстати, я совершенно забыл вам сказать, я странствующий учёный.

– Не может быть! – ахнул Нандор.

– Именно так, – важно кивнул аферист.

– А что вы изучаете, – вежливо поинтересовался юноша, который никогда не видел учёных.

– *Ineptias et Ventus**** – вновь перешёл на скверную латынь Манчини. – Словом, это трудно объяснить несведущему человеку, но уверяю вас, это очень, очень важная наука... А теперь, юноша, давайте дождёмся утра, а там я вынесу окончательный вердикт.

Манчини уселся на свою кровать и принялся сосредоточенно листать Робинзона Крузо, делая вид, что он изучает важный научный труд, а юноша, боясь помешать большому учёному, терпеливо ждал его приговора, не рискуя даже пошевелиться.

Когда рассвело и постояльцы проснулись, Манчини под благовидным предлогом вышел в коридор и за несколько медных монет узнал, что снилось каждому из них. Выяснилось, что их соседу снился большой праздник с множеством яств, главным из которых был огромный фаршированный бык. В следующей комнате ночевал старик, которому всю ночь снилось его детство и первый крупный улов, а его соседке за стеной, молодой женщине, во сне привиделась её будущая

свадьба. Чем больше Манчини слушал рассказы постояльцев, тем шире становилась его улыбка. В конце концов, опросив всех и убедившись, что Нандор нигде не ошибся, он поспешил обратно в свою комнату. На пороге он сбросил улыбку со своего лица и придал ему озабоченное выражение.

– Ну-с, друг мой, – сказал он, присаживаясь рядом с Нандором, – кажется, мне всё стало ясно.

Юношу вжал голову в плечи, предчувствуя дурные вести.

– Ваша болезнь быстро прогрессирует, – сокрушенно покачал головой Манчини. – Эх, если бы я повстречал вас всего на пару лет раньше, то вылечил бы вас в два счёта, но сейчас...

– Что же, совсем ничего нельзя сделать, – жалобно простонал Нандор. – Совсем, совсем?..

Манчини задумался, а затем позволил себе осторожную улыбку.

– Я не хотел бы внушать вам ложные надежды, мой друг, – отеческим тоном начал он, – но, на мой взгляд, несмотря на крайнюю запущенность вашего случая, я думаю, что кое-что всё же возможно предпринять...

– И вы возьметесь за это? – робко спросил юноша.

– Если вы этого хотите, – скромно потупил свой взор «учёный». – В конце концов, вы вправе распорядиться своей судьбой самостоятельно, и я думаю, у вас ещё есть пара-тройка лет в запасе, после чего вам станет настолько плохо, что у вас из глаз пойдёт кровь, по всему телу выступит лишай, и вы умрёте в ужасных мучениях, крича и вырывая у себя волосы...

Похолодевший Нандор судорожно сглотнул и прохрипел:

– Умоляю!.. Помогите мне!.. Спасите!.. Прошу вас!.. Я на всё готов!..

– Ну, ну, не стоит так волноваться, – сказал Манчини, кладя ему на плечо руку. – Я с радостью возьмусь за ваше излечение. Признаюсь, что мне, как учёному,

самому жутко интересно, выздоровеете ли вы или нет...

- Мне тоже очень интересно, - пробормотал перепуганный юноша. - Но вот только...

- Что, - насторожился аферист. - Что такое?

- У меня нет денег, - простодушно сообщил Нандор. - Последние медяки я истратил на ужин и на эту комнату. Но я мастер на все руки и могу делать любую работу, какую вы скажете!

- Не волнуйтесь насчёт денег, - великодушно улыбнулся Манчини. - Я уже говорил, что не возьму с вас ни гроша. Более того, ваш случай так заинтересовал меня, что я сам готов платить вам скажем... по одной серебряной монете в день. При условии, что вы будете во всём меня слушаться. Согласны?

- По целой серебряной монете каждый день?! - не поверил своим ушам Нандор, который прежде зарабатывал не более четырёх монет за целый месяц. - И вы будете меня лечить? Конечно же, я согласен!

- Вот и отлично, - потёр руки Манчини,. - Тогда нам нужно срочно собираться и отправляться в путь. Дело в том, что мои учёные труды не дают покоя различным завистникам и клеветникам... Они из кожи вон лезут, чтобы опорочить моё честное имя и объявить меня шарлатаном и аферистом, коими, уверяю вас, они сами и являются. Печально, что мне, человеку, единственным желанием которого является скромное служение науке, приходится скрываться, точно вору, и постоянно жить под угрозой разоблачения...

- Но это ужасно! - возмутился Нандор. - Неужели на них нет никакой управы?

- Увы, мой юный друг, - снисходительно улыбнулся Сальвадор, - эти люди слишком влиятельны и не остановятся ни перед чем, лишь бы втоптать моё доброе имя в грязь и присвоить себе мои достижения. Их ищейки непрерывно преследуют меня, стремясь упрятать в тюрьму по ложному обвинению, так что я вынужден постоянно переезжать с места на место и жить под чужими именами. Увы, такова жизнь, друг мой, такова жизнь...

Манчини грустно вздохнул и начал собирать вещи.

- И сколько же так будет продолжаться? - спросил юноша. - Неужели всегда?!

- Боюсь что так, - ответил Сальвадор. - В противном случае, мне нужно отречься от науки, которой я посвятил всю свою жизнь, но для меня это подобно смерти. Нет, уж лучше я буду скитаться и скромно трудиться во благо Человечества, всеми гонимый и порицаемый, чем соглашусь на это!

Нандор застыл, поражённый благородством учёного и про себя решил, что никогда не оставит его в беде и будет служить ему верой и правдой.

Они быстро собрали свои вещи, расплатились с трактирщиком и покинули таверну, взяв курс на столицу соседнего королевства, что лежало в нескольких днях пути.

- Вперёд, друг мой, - приговаривал Манчини, весело размахивая своим саквояжем. - Вскоре я покажу вам такие чудеса науки, что вы рот разинете от удивления!

- Мне бы просто выздороветь и всё, - робко бормотал Нандор.

- О, не беспокойтесь, юноша, - смеялся Манчини. - Я чувствую, что у нас всё сложится просто превосходно! Более чем превосходно!

*- *Magnum Ranam Viridis* (лат.) - Большие зелёные лягушки

** - *Tibialia et Braccis* (лат.) - Носки и панталоны

*** - *Ineptias et Ventus* (лат.) - Глупости и ветер

– Я должен показать вас нескольким моим знакомым, крупным научным светилам, – говорил Манчини по пути в столицу. – Уверен, они могут дать нам весьма ценные советы, но вот беда, все они очень известные люди, и мне бы не хотелось навлечь на их головы гнев тех, кто преследует меня.

– Что же нам делать? – интересовался Нандор.

– Нам придётся пойти на небольшую хитрость, – ответил Манчини. – Хоть любое притворство и обман мне совершенно не по душе, но, боюсь, другого выбора у нас просто нет. Так что прошу вас, друг мой, ничему не удивляйтесь и будьте готовы сыграть небольшую роль в грядущем спектакле. Помните, мои коварные недруги не дремлют, поэтому всегда держите свой язык за зубами, строго следуйте всем моим указаниям, и я обещаю, что вы скоро абсолютно исцелитесь. По рукам?

– По рукам! – легко согласился Нандор, а про себя подумал:

«Что ни сделаешь ради своего здоровья и ради хорошего товарища?! Несчастливого учёного все преследуют, а ведь он отличный малый. Он так заботится о благополучии своих друзей, что готов пойти на обман, хоть он ему и ненавистен. Ей богу, мы оба сделаем хорошее дело, поступив так, как предлагает мой друг...»

Опытный аферист без труда прочитал по лицу Нандора все его мысли и незаметно ухмыльнулся.

«Ей богу, этот парень просто сокровище! Он настолько же одарён, насколько и глуп!.. Это просто невероятная удача! Пожалуй, когда я стану родственником короля, я и возьму его к себе в замок... Садовником, к примеру...»

Но вслух Манчини, конечно же, сказал совершенно другое.

– Мой милый друг, скажу вам прямо – вы настолько же отважны, насколько и мудры. Это просто невероятно, увидеть, как в наше непростое время обе эти редчайшие добродетели уживаются в душе одного молодого человека. Я преклоняюсь перед вами и благодарю бога за то, что он послал мне такого спутника в дни тревог и испытаний. Спасибо, мой славный Нандор. Ваша помощь будет для меня в буквальном смысле неоценима...

Манчини с чувством пожал юноше руку, а потом сделал вид, что смахивает с глаз благочестивую слезу. Растроганный Нандор крепко пожал в ответ руку старого плута и ещё раз подивился тому, как же ему повезло.

Они продолжили свой путь к столице, и к концу путешествия добросердечный и наивный юноша был настолько предан своему спутнику, что готов был выполнить любое его пожелание. Этому также способствовало то обстоятельство, что помимо льстивых речей, щедро рассыпаемых Манчини, он всю дорогу великодушно кормил и поил Нандора за свой счёт, и каждое утро исправно выплачивал тому по одной новенькой серебряной монете. Когда они приблизились к городу, щёки у юноши круглились, глаза блестели, а на поясе весело позвякивал кошелёк с серебром, в котором было больше денег, чем он когда-либо держал в руках. Нандор был в преотличнейшем расположении духа и с радостью принялся помогать мошеннику в исполнении его плана, ничему не удивляясь и строго следуя всем инструкциям.

В первый же день их прибытия в столицу Манчини развил бурную деятельность. С раннего утра он забегал по городу, добывая нужные сведения и необходимые принадлежности, и уже к вечеру вновь предстал перед публикой в виде Лунного Прорицателя из Мадраса, которого сопровождал молодой мавр по имени Нандормандин. Для этой цели он искусно загримировал Нандора ваксой, нарядил его в причудливый костюм из жёлтого и красного шёлка, заткнул ему за пояс два огромных кинжала, а на голову водрузил ужасающего вида зелёный тюрбан, который собственноручно сшил из шторы.

– Но что я должен делать? – со смехом спросил юноша, оглядывая себя в зеркало. – Я же совершенно не умею говорить по-маврски!

– В этом и нет нужды, мой любезный друг, – наставлял Нандора шарлатан. – Всё, что вам нужно делать, это что есть силы пучить глаза и молчать с самым свирепым и напыщенным видом. В случае же крайней необходимости тотчас хвататься за свои кинжалы и начинайте громко ругаться на тарабарском языке. Поверьте, это всегда отлично действует, в особенности на любопытных слуг...

– Но скажите, зачем всё это нужно, – слегка недоумевал юноша. – Разве нам нельзя просто встретиться в каком-то укромном месте и спокойно поговорить? Зачем весь этот маскарад?

– Боже, как вы наивны, друг мой, – грустно улыбнулся аферист. – С тех пор, как мои злопыхатели преследуют меня, ни у меня, ни у моих друзей больше нет укромных мест. За ними постоянно следят две дюжины шпионов, и если мы попытаемся где-то тайно укрыться, это сразу же вызовет массу подозрений. Они тут же утроят количество соглядатаев, и нас обязательно обнаружат, потому что далеко не все люди, в отличие от вас, мой милый Нандор, так честны и преданны... К счастью, я открыл замечательный способ быть незаметным.

– Какой же? – поинтересовался Нандор, рассматривая внушительные кинжалы, которые на самом деле оказались театральным реквизитом.

– Следует всегда быть у всех на виду, – усмехнулся Манчини. – В большой толпе куда проще затеряться и поговорить с глазу на глаз, чем искать потайное место под покровом ночи, рискуя быть схваченным. Нет, друг мой, мы устроим настоящее шоу, с сеансом прорицания и толкования снов, и соберём на него уйму народу. Быть может, мы даже будем давать представления при дворе. Но знайте, любезный друг, всё это будет лишь ширмой для того, чтобы я смог обменяться мнениями с моими друзьями, дабы затем, сумею помочь вам, не навлекая при этом бед ни на их, ни на наши головы.

– А вы уверены, что советы ваших друзей мне помогут? – спросил Нандор.

– Абсолютно! – воскликнул Манчини. – Мои друзья необычайно учёные люди! И необычайно богатые... Я просто обязан узнать их мнение о вашем состоянии с тем, чтобы правильно назначить своё лечение. Вы ведь не хотите умереть в страшных мучениях, как умирают бедные, несчастные туземцы на берегах Амазонке?

– Нет, совсем не хочу! – замотал головой Нандор.

– Вот и славно, – улыбнулся аферист, – потому что это ужасное, ужасное зрелище. Они так мучаются и так кричат, что даже ягуары в лесу обливаются слезами от жалости, а аллигаторы уплывают вниз по течению, лишь бы только не слышать их душераздирающих стонов... Боже, это просто невыносимо! Я сейчас сам разрыдаюсь...

– Но что мне нужно будет делать, помимо того, что пучить глаза и свирепо молчать? – спросил побледневший юноша. – Неужели это всё, что от меня

требуется?

– О, – небрежно махнул рукой шарлатан, – от вас всего-то и нужна будет ещё одна малость. Когда я попрошу вас, вы расскажете мне свои видения, как делали прежде.

– И всё? – с сомнением переспросил Нандор.

– И всё, – засмеялся Манчини. – Уверяю, для настоящего учёного, этого будет вполне достаточно! Я шепну ваши слова моим друзьям, а они в свою очередь, пришлют мне вместе с дрессированной крысой и ручной совой зашифрованное послание с их бесценными рекомендациями. Так всегда поступают в учёном мире, уж будьте уверены...

На следующий день Манчини с присущим ему обаянием и настойчивостью, сумел добиться аудиенции у одной известной баронессы и организовать «вечер Магии и Чудес», как он его назвал, на котором Прорицатель обещал разгадать сны влиятельной дамы.

В назначенное время он явился к ней в роскошном костюме в сопровождении молчаливого мавра, от которого шарахались слуги и премило провёл с ней время в светских разговорах. Затем, чтобы доказать свою причастность к «могущественным и невероятным силам Земли и Неба», аферист предложил баронессе удалиться за ширму и подремать, обещая не только разгадать её сны, но и поведать их истинное значение.

Баронесса была отнюдь не глупой женщиной и на своём веку повидала немало прохиндеев, но Манчини был весьма искусен в умении убеждать. К тому же он успел навести кое-какие справки и знал, что баронессу интересовало всё, что имело отношение к снам. Поговаривали даже, что она приглашала в свой дом настоящего индийского йога, чтобы научиться видеть сны наяву. Манчини не знал, в чём причина этого любопытства, но это и не беспокоило мошенника. Всё, что ему нужно было знать, было то, что баронесса жаждала чудес, и он был готов их ей предоставить в достаточном количестве.

– Но предупреждаю Вас, – сказала баронесса, уходя за ширму, – со мной не пройдут эти старые трюки с гипнозом и «магическим» шаром. Если я увижу, что вы пытаетесь меня одурачить, вам несдобровать.

– Помилуйте, баронесса, – ответил Манчини. – Кто может попытаться обмануть столь могущественную и столь очаровательную женщину как вы?.. Если и найдётся такой негодяй, то клянусь вам, я сам лично готов заковать его в кандалы и бросить в темницу! Слыханное ли дело, шутить с такими вещами, как магия и толкование снов! Нет, ваша светлость, вы можете быть абсолютно уверены в моей искренности. Скажу вам более – вы сами назначите мне достойную награду, если посчитаете мой скромный труд не напрасным...

– Это что-то новенькое, – удивилась баронесса. – Что ж, я согласна попробовать, но со мной за ширмой будет моя преданная служанка.

– Хоть десять, – величественно ответил Манчини, зажигая повсюду диковинные свечи и ароматные благовония. – Для истинной магии, как и для истинной любви, в этом мире не существует никаких преград!..

Сбитая с толку баронесса легла на кушетку и, так как время было позднее, вскоре задремала, сжимая руку своей служанки и прислушиваясь к мерным шагам мавра, который до этого момента находился в соседней комнате. Ей приснился чудесный сон из её юности, немного запутанный, но достаточно милый. Она играла со своим белым пуделем на берегу ручья, но затем он вдруг взмахнул лапами и полетел. Она звала его и махала руками, но пудель, словно нарочно, носился над самой её головой, не желая даваться ей в руки. Затем он стал подниматься всё выше и выше, покуда не скрылся с глаз. Девочке стало грустно, но в этот момент выглянуло солнце, и все её тревоги растаяли. Она начала собирать букет цветов, но не успела закончить, поскольку её разбудил сияющий Манчини.

– Простите, что прерываю ваш чудесный сон, баронесса, – сказал он, – но я увидел вполне достаточно, чтобы убедить вас в том, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Прошу вас, сядьте в кресло, и я подробно расскажу вам весь ваш сон и объясню, что он значит.

Баронесса усмехнулась, ожидая услышать обычную в таких случаях высокопарную чушь, но едва аферист начал говорить, она разинула рот, да так и не смогла его закрыть до самого конца его речи, так как Лунный Порицатель из Мадраса не только в мельчайших подробностях пересказал её сон, но и умело трактовал его.

– Ручей в вашем сне, несомненно, означает какие-то перемены, – сказал он, прислонив ладонь к своему лбу, будто стараясь что-то вспомнить. – Собака символизирует верность и преданность, а её белый цвет – любовь и нежность. То, что собака улетает, вне всякого сомнения, означает разлуку с любимым человеком.

– Но сможем ли мы снова встретиться?! – воскликнула взволнованная баронесса. – Скажите, молю вас!

– Быть может, баронесса, быть может, – таинственно усмехнулся Манчини. – Этого нельзя сказать наверняка, но, как вы помните, вскоре после его исчезновения, на небе появилось солнце, символ надежды и новой жизни, так что, Ваша светлость, я могу смело предположить, что в скором времени вас ждут хорошие известия...

Внимательно слушавшая его баронесса сначала порозовела, потом побледнела, а после вскочила на ноги и со слезами на глазах выскочила из комнаты. Изумлённый Манчини не знал, что и думать, не подозревая, что сам того не ведая затронул самое сокровенное в сердце этой женщины, её тайну, о которой не знал практически никто в целом свете. Он даже было подумал бежать, решив, что его обман раскрыт, но сдержался и вскоре был щедро вознаграждён. Баронесса вернулась в комнату с внушительным кошелём золота и передала его в руки Манчини. Её лицо было невозмутимо, и только опытный глаз шарлатана мог заметить, что она плакала.

– Вот ваша заслуженная награда, – сказала она. – И прошу простить меня за ту неловкость, – я не до конца проснулась, и мне сделалось немного дурно.

– Вам решительно не о чем беспокоиться, ваша светлость, – расшаркивался Манчини, прикидывая, сколько золота может уместиться в таком здоровенном кошелке. – Такое часто случается на сеансах магии и, само собой разумеется, всё это храниться в строжайшей тайне...

– Превосходно, – ответила баронесса. – Я уверена, что мы скоро увидимся вновь.

– Премного благодарен, Ваша светлость, – вновь раскланялся мошенник. – С нетерпением буду ждать нашей встречи...

Манчини проворно сунул кошель в свой саквояж и покинул комнату, за дверью которой его ожидал встревоженный Нандор.

- Ну, как всё прошло? Вы что-нибудь узнали?

- Т-с-с-с, - радостно прошипел Манчини, передавая саквояж юноше. - Умоляю, говорите тише, шпионы повсюду... Да, осмелюсь предположить, что всё прошло весьма и весьма недурно... Только прошу вас впредь ничего не трогать руками - вы испачкали ваксой обои и кресло...

- А что в саквояже?

- Там... древние манускрипты, которые помогут мне в работе.

- Ого, да они тяжеленные, эти ваши манускрипты! - сказал Нандор. - Наверное, они очень ценные?

- На вес золота, друг мой, на вес золота... - пробормотал Манчини.

- Но вам удалось переговорить с вашим другом?

- С баронессой? Да, мы премило побеседовали, правда служанки то и дело сновали вокруг, пытаюсь выведать что-то, так что я думаю, нам придётся прийти сюда ещё несколько раз... Но что не сделаешь ради науки!

- Это верно, - согласился Нандор. - Ради науки я готов на всё. А много у вас ещё друзей в этом городе?

- Немало друг мой, немало, - весело ответил Манчини. - И я очень надеюсь, что скоро их станет ещё больше... А теперь идёмте скорее, я умираю с голоду. Сегодня, друг мой, мы с вами закажем такой ужин, который был бы под стать самому королю!..

Они вышли из дома, сели в карету и помчались домой.

Когда экипаж скрылся за углом, баронесса отошла от окна, из которого она наблюдала за отъездом гостей и позвонила в колокольчик.

– Узнайте, кто они такие, – сказала она пришедшему на её зов высокому статному мужчине лет пятидесяти с военной выправкой и лихими офицерскими усами.

– Господа обманули вашу светлость? – спросил тот, грозно хмурясь.

– Нет, – ответила баронесса. – Напротив, они сказали мне чистую правду, и это крайне подозрительно... Разузнайте о них всё и сообщите мне немедленно.

– Слушаюсь, ваша светлость.

– И не скупитесь на золото! Я должна знать абсолютно всё о них обоих...

– Да, ваша светлость.

Едва мужчина удалился, как баронесса торопливо открыла медальон, висящий на её шее, и покрыла поцелуями крохотный портрет, находящийся внутри.

– Я найду тебя, мой мальчик! – горячо прошептала она. – Верь мне, я обязательно тебя найду.

Глава 5

Весть о Лунном Прорицателе из Мадраса мигом облетела столицу, и то, что она шла из уст самой баронессы Софии де Рюд, придавала ей особую ценность. Богачи наперебой приглашали великого чародея к себе в гости и платили огромные суммы за один часовой сеанс «Сновидения» и последующей трактовки их снов. Деньги потекли к Манчини рекой, в то время как Нандор по-прежнему получал по одной серебряной монете в день и даже представить себе не мог, какие богатства он каждый вечер уносит в старом саквояже. Шарлатан всё устраивал таким образом, что юноша сам никогда не видел клиента и не слышал, о чём с ним говорит Манчини. Он заходил в комнату, только когда очередной богач засыпал за толстой ширмой и шёпотом пересказывал свои видения «учёному», который с важным видом записывал их в записную книжку.

Затем он удалялся и ждал своего друга в соседней комнате, до смерти пугая слуг, если те тревожили его. Однажды он даже выхватил свои кинжалы и стал выкрикивать жуткую тарабарщину, когда один настойчивый лакей попытался прикоснуться к нему пальцем. Бедняга так перепугался, что начал заикаться и его пришлось перевести в конюшню, потому что никто не мог понять, что он лепечет. После этого случая все слуги стали относиться к мавру с величайшим почтением и даже боялись взглянуть в его сторону, потому что по городу начал ходить упорный слух, что тому, кто потревожит помощника прорицателя, мавр немедленно отрежет язык своим чудовищным, зазубренным кинжалом...

После каждого визита Манчини рассказывал Нандору, что он вот-вот поймёт, как помочь его недугу, и что тому нужно потерпеть ещё совсем немного.

– Я невероятно близок к разгадке, – радостно щебетал старый плут. – Просто невероятно! Мне осталось сделать буквально один шаг. Полшага! Четверть шага, и я, то есть мы, будем у цели! Потерпите ещё чуть-чуть, друг мой, молю вас! Ещё самую малость!

Нандор охотно соглашался потерпеть ещё немного. Ему нравилась его новая жизнь. Манчини снял роскошный особняк на окраине города, и они жили там вдвоём, вдали от любопытных глаз. Слуги приходили утром и покидали дом вечером, так что ночью дом пустовал. Сам аферист предусмотрительно ночевал в самом дальнем флигеле, так чтобы юноша случайно не увидел его снов и ни о чём не догадался, но его опасения были напрасны – юношу устраивало абсолютно всё. Он сытно ел, долго спал, и накопил уже более 40 новеньких монет, среди которых попадались и золотые. Для него это было целое состояние, которое он, ко всему прочему, совершенно не мог потратить. Манчини не позволял ему выходить на улицу кроме как для поездки к его очередному «другу», объясняя эти предосторожности соображениями безопасности.

– Вы не представляете, до чего пронырливы эти шпионы, – говорил он. – Нам нужно постоянно держать ухо востро. Очень скоро, обещаю вам, мы закончим свои дела в этом городе и заживём спокойно, а пока наберитесь терпения и всё делайте так, как я вас учу.

Сам Манчини проводил дни весело и беззаботно, разъезжая в роскошных экипажах, посещая лучшие рестораны, театр, оперу и повсюду находил новых «клиентов». В его отсутствие Нандор не должен был покидать своих десяти

комнат на втором этаже и держать все окна плотно зашторенными, а если он желал посмотреть на солнышко, то ему сначала следовало наложить грим, чтобы какой-нибудь праздный зевака не узнал в нём внезапно поблёкшего мавра. Что же касается слуг, то те и вовсе не знали, кому они прислуживают. Все распоряжения они получали заранее и в письменном виде, а двойное жалование не располагало их к излишней болтливости. Хотя, несмотря на все эти предосторожности, пару раз они замечали в окнах второго этажа какого-то чёрного как уголь субъекта и догадывались, кто живёт в странном особняке, но их страх перед «ужасным чёрным варваром» был столь велик, что они держали язык за зубами, боясь и вовсе его лишиться. Одним словом, всё шло своим превосходно, и ничто не предвещало беды.

«Кажется, я неплохо устроился, – размышлял Нандор, важно прохаживаясь по своим роскошным владениям, облачённый в шёлковый халат, мягчайшие турецкие туфли и рассеянно обгладывая жаренную фазанью ножку в клюквенно-медовом соусе. – Определённо, так можно жить! Кто бы мог подумать, что я так хорошо заживу? Как же мне повезло встретить этого чудесного человека! Подумать только, не заболел я такой серьёзной болезнью, я бы никогда не оказался бы здесь. Да, наука это сила, что ни говори...»

Оставив ножку недоеденной, Нандор замирал у огромной вазы с фруктами, чтобы придирчиво выбрать себе персик, а затем ложился на софу, чтобы лениво насладиться сочным плодом.

«Хотел бы я, чтобы меня сейчас видели мои деревенские друзья, – думал он спустя минуту, отбрасывая в сторону едва надкусанный персик и беря в руки большую кисть винограда. – Теперь они едва ли бы стали потешаться надо мной. Ещё бы, из старого сарая с дырявой крышей я переехал в огромный особняк со слугами, в котором я ем, пью и сплю в своё удовольствие, и за всё это мне ещё платят по целой серебряной монете в день! Вот ведь удача так удача. Вот ведь везение так везение. То-то матушка обрадуется, когда я вернусь к ней с горой подарков и большим мешком серебра. То-то будет удивления...»

Юноша откладывал виноград и тянулся к пирожным, раздумывая какое ему больше хочется – кремовое со свежей малиной или шоколадное с белыми трюфелями.

«Теперь я понимаю богатых, – грустно вздыхал Нандор, держа в руках оба пирожных и задумчиво откусывая от каждого. – Делать выбор, когда у тебя есть

всё, так утомительно...»

Юноша со вздохом откладывал пирожные и перебирался на кресло, чтобы выкурить сигару и выпить рюмку отменного коньяка.

«Да, жить хорошо!»

Тем временем Манчини со дня на день ожидал приглашения в королевский дворец. Мысленно он уже примеривал на себя герцогский титул и придумывал себе новое звучное имя, соответствующее высокому званию. Он даже заказал у лучшего столичного художника эскиз фамильного герба на дверцу своей кареты.

– И не скупитесь на позолоту, дружок, – напутствовал он мастера. – Пусть каждый видит, что перед ним настоящий дворянин, а не какой-нибудь проходимец! Пусть это будет самый большой и самый блестящий герб, на который вы только способны, так чтобы сам король втайне ему завидовал ему...

Всё было настолько хорошо и безоблачно, что когда Прорицателя из Мадраса арестовали среди бела дня в ресторане на главной улице, он так естественно возмутился, что сделал бы честь любому театру, сыграв на его подмостках роль несправедливо обиженной добродетели. Барон Жюльен, с которым аферист в этот момент завтракал, был страшно возмущён и грозился отправить сыщиков чистить свинарники, однако улики против Манчини были столь многочисленны и неопровержимы, что «чародея» всё же отправили в тюрьму, где к нему была приставлена самая надёжная охрана. Богатые друзья шарлатана собирались жаловаться самому королю, а барон Жюльен даже предлагал взять тюрьму штурмом и освободить «всемирно известного короля Магии и Волшебства», но когда при обыске особняка Манчини там были найдены пропавшие в Лондоне драгоценности, все поняли, как они жестоко ошибались. Помимо вещей, украденных в Англии, в доме также обнаружили некоторые драгоценности, исчезнувшие ранее в Милане, Вене, Париже и Копенгагене и прочих городах, где ранее гастролировал Манчини. После этих известий весь город забурлил с удвоенной силой. Тот же самый барон Жюльен, вновь потребовал штурмовать тюрьму, но на этот раз уже с тем, чтобы немедленно повесить «этого ужасающего лгуна и проходимца, который оскорбляет сей прекрасный город уже одним фактом своего существования...» Он приказал готовить виселицу на центральной площади и начал вооружать слуг мушкетами, так что не вмешайся в дело королевская гвардия, эта история могла пойти совершенно иным путём.

Слыша крики толпы за зарешеченными окнами, Манчини грустно улыбался, разглядывая эскиз герба, который он успел получить от художника накануне своего ареста.

– Кажется, я немного переборщил с позолотой... – бормотал он. – В следующий раз нужно будет ограничиться одной маленькой короной на голубом фоне... Да, маленькой короны определённо должно хватить... Хотя...

Как и следовало ожидать, вместе с Манчини был арестован и ничего не подозревающий Нандор. Свидетели легко опознали в юноше грозного мавра, а коробочка с ваксой и прочие детали его костюма послужили достаточным поводом для обвинения в соучастии. Юношу затолкали в чёрную карету и тоже отвезли в тюрьму, но в отличие от Манчини, к которому тюремщики относились с неким презрительным почтением и неплохо кормили, юношу бросили в самую сырую, грязную и холодную камеру, где было только одно крошечное окошко у самого потолка, а по полу бегали гигантские крысы.

Первые дни, Нандор всё ещё верил, что произошла какая-то страшная ошибка и его отпустят, но время шло, и постепенно он начинал понимать, в каком ужасающем положении оказался. По законам королевства Манчини грозила смертная казнь, так как он готовился обмануть самого короля, и юноша мог легко оказаться на плахе вместе с ним, так как в глазах всех был с ним заодно.

Дни в тюрьме были ужасны, но ночи были ещё хуже, так как несчастный юноша никуда не мог убежать от окружавших его образов, которые были один кошмарнее другого. Нандор худел, его непрерывно сотрясал хриплый кашель, а от бессонницы у него мутился разум и порой он не понимал толком, спит ли он или бодрствует.

«Что же я наделал? – думал он, скрючившись на гнилой соломе, служившей ему постелью. – Как я мог быть таким глупым и доверчивым? Почему я не желал видеть очевидное, и доверился этому гнусному обманщику Манчини, купившись на его лестные слова и блеск серебряных монет? Как я мог?! Говорила мне матушка, что я слишком доверчив и должен быть осторожен с незнакомыми людьми, да я всё позабыл и вот теперь сижу здесь, в этой ужасной тюрьме, и кто знает, не слетит ли моя голова с плеч в скором будущем... Какой же я дурак...»

Отгоняя надоедливых крыс, кусающих его за ноги, юноша осторожно доставал единственную свою драгоценность, которую ему каким-то чудом удалось сохранить при себе – крохотное медное колечко, и бережно ощупывал его.

«Как ты поживаешь, милая моя Тека? – бормотал он, крутя кольцо в пальцах и чувствуя, как слёзы струятся по его щекам. – Ты, наверное, подросла и твои косы теперь длинные, и ты расчёсываешь их по много раз на дню, как ветер расчёсывает спелую пшеницу... Как там мой Дунай?.. Сладкие облака всё так же ложатся весной на его тёмную воду, чтобы отдохнуть немного?.. А вода в Персиковом ручье у мельницы всё также весела и прохладна?.. Готов поспорить, что мальчишки по-прежнему таскают лепёшки у толстяка Пети!.. Скажи, всё также ли темны воды в Рыбачьем омуте?.. А чудовище?.. Ждёт ли меня там моё чудовище?.. Говорят, чудовища ужасно терпеливы... Эх... Похоже, я уже никогда не узнаю этого... Никогда... Никогда...»

Слёзы окончательно заливали глаза юноше от таких мыслей, и он глубоко прятал кольцо за пазуху, опасаясь, как бы его не утащили наглые крысы.

Дни сменялись ночами, ночи днями, и судьба юноши висела на волоске, но фортуна благоволила ему, и спасение пришло совершенно неожиданно.

Однажды вечером, когда отвратительный ужин уже был проглочен, и Нандора начали обступать видения, от которых кровь стыла у него в жилах, он услышал за дверью шаги. Это было странно, так как никто из тюремщиков не любил спускаться на ночь глядя в сырой и жуткий подвал, где содержали особо опасных преступников. Юноша насторожился, а когда шаги замерли у его двери, а затем послышался звон ключей, он страшно перепугался, так как решил, что его ведут на казнь. Однако когда тяжёлая дверь камеры приоткрылась, внутрь вошёл лишь один человек и Нандор вздохнул с облегчением. Он встал и отошёл к стенке, решив, что тюремщик хочет обыскать камеру, но тот молча стоял у дверей, глядя куда-то в сторону.

– Вам пора... – сказал тюремщик тихим, вкрадчивым голосом, словно обращаясь к самому себе.

– Пора? – удивился юноша. – Куда?

– Я не знаю... – ответил тюремщик, продолжая смотреть в стену. – Но я полагаю, что вам нужно спешить, пока никто не поднял тревогу...

– А кто должен поднять тревогу? – ещё больше изумился Нандор, решив, что это одно из его видений.

– Я, – ответил тюремщик. – Я подниму тревогу, когда выпутаюсь из верёвки, которой вы меня свяжете...

– Какой такой верёвки? – разинул рот юноша.

– Вот этой, – простодушно ответил надзиратель, вынимая из-за спины моток грубой верёвки и всё также не глядя на Нандора протягивая её арестанту. – Ума не приложу, откуда у вас взялась верёвка... Наверное, вы её сплели из своей рубахи... Заключённые жутко изобретательны...

– Но... – пробормотал юноша, не зная, что и думать.

– Похоже, вы решительный малый, если прикинулись больным, а потом осмелились напасть на вошедшего к вам тюремщика, – продолжал надзиратель, – а потом ещё на одного, который, по-видимому, слегка задремал на своём посту этажом выше... Такого бы никогда не случилось, но вот беда – его сменщик внезапно тяжело заболел, и бедняге пришлось работать двое суток подряд без сна... Вот так-то...

С этими словами, надзиратель встал спиной к Нандору и выжидательно протянул назад руки, словно приглашая его связать. Стараясь унять лихорадочную дрожь в руках, юноша стал спешно связывать своего сторожа...

– И что же я сделал дальше? – спросил Нандор надзирателя, укладывая его в угол.

– Ума не приложу... – ответил тот, поворачиваясь лицом в угол. – Я думаю, что вы перелезли через стену по остаткам строительных лесов, что остались неубранными в северном углу тюрьмы... Там ужасно темно, и охранники не любят заглядывать в тот угол слишком часто... А за стеной, как мне кажется, вас могла ждать карета, запряжённая четвёркой вороных лошадей... Она наверняка

стояла где-то поблизости, и ждала, когда вы заберётесь на стену, и зажжёте пару спичек, что вытащили у меня из кармана... По этому сигналу карета подъехала к стене, вы спрыгнули на её крышу, где заботливо был постелен матрац, а затем умчались прочь...

- И куда же? - почти весело поинтересовался юноша, которому начинала нравиться эта игра.

- Этого я знать точно никак не могу, - ответил надзиратель, зевая, - но я могу сказать, что через 15 минут начнётся обход и вам лучше поспешить...

- Спасибо вам, - сказал Нандор. - Я могу ещё что-то для вас сделать?

- Да, - кивнул надзиратель. - Стукните меня слегка... Если у меня не будет синяка, то никто не поверит, как я храбро отбивался...

- О, - поспешил успокоить его юноша, - обещаю, все увидят, что вы сражались как лев!

С этими словами, Нандор от души огрел тюремщика, а вдобавок ещё и дал ему хорошего пинка, вспомнив, как тот смеялся над ним в первые дни.

- Ой-ой! - завопил тюремщик. - Так мы не договаривались!

- Тише-тише, - сказал Нандор. - Вы же не хотите, чтобы я заткнул вам рот гнилой соломой... Кстати, это отличная идея, а иначе вас обвинят в том, что вы не кричали... Откройте как рот, дружище...

Юноша сел на тюремщика верхом и набил ему рот соломой.

- Ведите себя хорошо, и быть может вам дадут ещё и медаль, - сказал он на прощанье. - И будьте поосторожнее с крысами - вашими заботами их тут полным-полно и они жутко голодные...

Заперев камеру, юноша проворно взлетел по лестнице и осторожно приблизился к безмятежно храпящему на стуле охраннику.

– Я совершенно ничего не слышу, – сказал тот, не открывая глаз. – Свяжите меня моим ремнём, заткните рот грушей, которой я собирался поужинать, и запирайте меня в камере... Но предупреждаю, как только я прожую грушу, я закричу! Впрочем, груша мне сегодня как назло попала такая твёрдая, что, похоже, мне с ней придётся изрядно помучиться... Эх, никогда нельзя экономить на грушах...

Нандор быстро связал сторожа, заткнул ему рот незрелым фруктом и запер в крохотной комнатке, где хранились вёдра и грязные тряпки. Затем он прокрался по коридору, отпер дверь большой связкой ключей, прихваченной у «соны», и выбрался наружу, в тюремный двор. Погода была скверной, и он едва не заблудился, но в конце концов добрался до северного угла тюрьмы, где нашёл старые леса. Памятуя дни, проведённые в цирке, он ловко вскарабкался по скользким доскам на стену и замер. На мгновение ему показалось, что стражник на соседней башне его заметил, и юноша решил, что всё пропало, но часовой только зевнул и отвернулся в другую сторону. От сильного ветра и мелкого дождя спички постоянно гасли в руках Нандора, и ему никак не удавалось подать сигнал. В этот момент по всей тюрьме вдруг раздались крики, забегали люди и раздались удары колокола, возвещающие о побеге. Всюду замелькали факелы и залаяли собаки. Не теряя ни секунды, Нандор разом запалил весь коробок и через несколько секунд увидел, как из темноты вылетела чёрная карета и остановилась прямо под ним. Белый матрас на её крыше был отлично виден сверху, и он приземлился точно на него. Чьи-то сильные руки помогли ему забраться внутрь экипажа, и не успел он откинуться на мягкое сиденье, как лошади пустились в бешеный галоп и помчались прочь от тюрьмы.

Немного отдышавшись, Нандор огляделся и, несмотря на полумрак, смог разглядеть своего спутника – крупного мужчину с короткой стрижкой и пышными усами.

– Меня зовут Филастр, – сказал тот, опережая расспросы юноши. – Путь нам предстоит неблизкий, так что я рекомендую вам отдохнуть. Если желаете, то у меня найдётся немного холодного мяса, хлеба и свежих фруктов.

– Так это вы меня освободили? – спросил Нандор.

– Нет, – ответил мужчина. – Я лишь исполняю поручение одной особы.

– И кто же этот таинственный добродетель, могу я узнать? – любопытствовал Нандор.

– Этого я вам пока сказать не могу, – ответил Филастр. – Вдруг нас схватят.

– А куда мы направляемся? – не унимался юноша.

– Боюсь, что и этот вопрос временно останется без ответа, – покачал головой мужчина. – Могу сказать лишь одно – к вечеру мы покинем королевство, и там, где мы окажемся, вам ничто не будет угрожать.

– Я уже доверился однажды обещаниям одного незнакомца и оказался в тюрьме, – воскликнул юноша. – Я больше не попадусь на эту удочку. Я желаю немедленно знать, кто и что меня ждёт, в противном случае высадите меня прямо сейчас!

– К сожалению, как я уже сказал, я не могу вам сообщить, куда и к кому мы направляемся, – вежливо ответил Филастр, – однако я могу вам поведать, что ожидает вас здесь, на случай если вы не пожелаете продолжить наше милое путешествие.

– И что же? – запальчиво спросил юноша.

– Пожизненная каторга, – вкрадчиво сообщил мужчина. – Вас и Манчини. И не где-нибудь, друг мой, а на ужасных Фаленизийских островах, на которых до сих пор живут людоеды и осы-убийцы. Я слышал, там почти нет охраны. Едва солнце начинает садиться, бедные каторжане сами бегут, как угорелые в свои лачуги и умоляют стражу запереть их покрепче... Жуткое место, друг мой, просто жуткое...

Филастр со скучающим видом посмотрел на поёжившегося юношу и произнёс:

– Так как же мне следует поступить, любезнейший?.. Приказать кучеру, чтобы он остановил карету?.. Вы всё ещё желаете сойти?..

– Я желаю... – ответил Нандор, стараясь придать себе тот же скучающий вид, что и его собеседник. – Я желаю немного холодного мяса.

– Превосходный выбор, друг мой, – позволил себе улыбнуться доселе невозмутимый Филастр. – Мясо нежнейшее...

Глава 6

Карета неслась целые сутки напролёт, сделав в пути лишь несколько коротких остановок, чтобы сменить лошадей. При подъезде к границе Филастр приказал Нандору спрятаться в потайной отсек под сиденьями, но как оказалось, в этом не было нужды. Знатный экипаж со старинными гербами на дверцах беспрепятственно покинул королевство, после чего шторы на окнах были сняты и юноша увидел вокруг себя живописные луга, а в отдалении величественные горы, увенчанные белыми шапками снега.

«Что же, – подумал Нандор, глаза по сторонам, – где бы я ни был, места тут красивые... Едва ли меня похитили и увезли в такую даль, чтобы затем обращаться дурно... Но всё же, куда мы едем?.. И главное, кому я мог так сильно приглянуться, чтобы украсть меня из тюрьмы?! Чудеса, да и только...»

Филастр упорно отказывался отвечать на все расспросы, рекомендуя запастись Нандору терпением и, в конце концов, юноша последовал его совету. Карета катила ещё много часов, пока не замерла у небольшого, но необычайно красивого замка с одной единственной башней, доверху увитой плющом. Филастр подвёл недоумевающего Нандора к воротам, те беззвучно раскрылись, пропуская путников внутрь, затем захлопнулись за их спиной, а мгновением позже юноша увидел перед собой улыбающуюся баронессу Софию де Рюд.

– Добрый день, Нандор, – приветливо сказала она, протягивая юноше руку. – Или же мне стоит назвать тебя Нандормандин?.. Как прошло твоё путешествие?

– Отлично, благодарю вас, – смущённо пробормотал юноша, сгорая горя от стыда и любопытства. – Но...

– Я всё объясню тебе завтра утром, – властным жестом прервала его баронесса. – Сейчас тебе следует отдохнуть. Филастр отведёт тебя в баню, а затем покажет твои покои и даст всё необходимое. Выспись, как следует, силы тебе

пригодятся. Впереди у тебя много дел и новых знакомств. Впрочем, мне кажется, кое-кого ты вспомнишь...

Баронесса кивнула на прощанье и удалилась, а озадаченный Нандор последовал за Филастром.

Первым делом тот отвёл юношу в искусственный грот, где в просторной мраморной купели дымилась вода, бьющая из горячего подземного источника. Нандор с великим наслаждением забрался в предложенную ему ванну, где с помощью внушительного арсенала различных щёток, губок, мочалок и огромного куска душистого мыла оттер с себя всю грязь и противные тюремные запахи. Затем, облачившись в поданный ему халат, он сел на кресло, и Филастр, оказавшийся мастером на все руки, проворно постриг и побрил юношу. После чего он сопроводил чистого, распаренного и благоухающего Нандора в его комнату – небольшую, но крайне опрятную и удобную, где и оставил одного, заперев, однако, дверь на ключ.

– Ха, – усмехнулся юноша, – если это моя новая тюрьма, то она гораздо комфортнее предыдущей, и вид из окна куда как приятнее... Ручаюсь, тут не встретишь крыс, да и кормят, я уверен, недурственно...

Не успел он это произнести, как замок в двери снова щёлкнул и на пороге вновь появился Филастр с большим подносом, на котором красовался столь любимый Нандором жареный фазан с клюквенным соусом и прочие изысканные лакомства.

– Приятного аппетита, – сказал Филастр. – Если вам что-то потребуется, просто позвоните в этот серебряный колокольчик. Сегодня ваша дверь будет закрыта на замок, но уверяю вас, вы не пленник. Спокойной ночи...

Когда он удалился, юноша безо всякого стеснения набросился на еду, а после блаженно растянулся на мягкой кровати. После тюремных нар мягкая перина показалась ему райским ложем, и его глаза начали слипаться.

«Надеюсь, мои видения этой ночью не будут слишком навязчивыми...» – успел подумать Нандор и тут же уснул, даже не заметив как.

Он не слышал, как дверь снова скрипнула и на пороге показалась молчаливая тень Филастра, забравшего поднос и одежду юноши, а следом ещё одна, не менее молчаливая и странная. Тень приблизилась к спящему юноше и ненадолго склонилась над ним, а затем, довольно хмыкнув, так же бесшумно удалилась. Замок в двери щёлкнул, и всё в маленьком замке замерло до утра.

Нандор проснулся рано утром и никак не мог понять, снится ли ему всё это или нет. Ему всё казалось, что мягкие простыни и громадные горы за окном лишь очередное его видение и что на самом деле он по-прежнему заточён в грязной, холодной камере, кишасей крысами, а на завтрак его ожидает кусок гнилого хлеба и кружка тёплой бурды. Однако сколько он ни тёр глаза, сидя в кровати, комната не пропадала, а за окошком даже послышалась свирель пастушка, гонящего отару овец в долину, и юноша понял, что это не грёзы.

Он встал и огляделся в поисках своего халата, но вместо него обнаружил в шкафу отменный кафтан, новые штаны, изумительную шёлковую рубаху и превосходные ботинки. Обновка пришлась ему как раз впору и, оглядев себя в зеркало, он улыбнулся.

– Жалко, меня не видит сейчас моя матушка, – сказал он. – Ей бы понравилось...

– У вас ещё будет возможность увидеться с ней, – послышалось за его спиной.

Юноша вздрогнул и обернулся. Как всегда невозмутимый Филастр стоял на пороге его комнаты.

– Баронесса ждёт вас внизу, – сказал он.

– Но... – начал было Нандор.

– Баронесса не любит ждать, – внушительно отчеканил Филастр и стальные искры блеснули в его голубых глазах. Решив не гневить судьбу, юноша быстро причесался и поспешил вниз.

Баронесса сидела во главе длинного стола. По правую руку от неё стоял странный смуглый человек с косматыми седыми волосами и длинной бородой. Из одежды на нём были лишь короткие белые штаны, а шею и бороду украшало

множество разноцветных бус. Едва повстречавшись с ним взглядом, юноша испуганно вскрикнул:

- Это он, он! Тот старик, что хотел сбросить меня с моста! Что вы тут делаете?!

- Доброе утро, друг мой, - улыбнулась баронесса.

- Доброе утро, - эхом отозвался Нандор не в силах отвести глаз от широко улыбающегося старика.

- Вижу, вы не забыли моего друга, - сказала баронесса. - Позвольте мне представить вам вашего будущего учителя и наставника, Шарма Аниша, мудреца, йога и сновидца. К сожалению... - Баронесса бросила странный взгляд на улыбающегося старика. - К сожалению, у вас мало времени на учёбу. Аниш должен вскоре покинуть нас, поэтому прошу тебя, слушай его внимательно и старайся всё запоминать с первого раза...

- Моего учителя, вы сказали? - ужаснулся Нандор. - Вы, наверное, шутите?! Из-за этого вашего «учителя» я едва не утонул! Он хотел сбросить меня с моста!

- Уверю, он оказался там случайно и хотел лишь помочь вам, друг мой, - мягко возразила баронесса, - но сейчас давайте поговорим о другом... Вы наверняка в смятении и никак не можете понять, что происходит, и почему вы оказались здесь, в одном из моих замков? Не тревожьтесь. Я всё вам подробно объясню, а пока, прошу вас, сядьте. Филастр варит восхитительный кофе. Не желаете чашечку?

- Кофе горький, - буркнул Нандор, так и не успевший привыкнуть к излюбленному напитку Манчини. - Я бы выпил...

- Какао, - сказал Аниш. - Вы бы выпили чашечку ароматного какао, верно? Нет ничего лучше чашечки какао с утра. Лично я выпиваю 11 чашек какао с молоком и сахаром каждое утро, и весь день чувствую себя превосходно. Не верите?

Прежде чем юноша успел что-то ответить, странный старик встал в буквальном смысле на голову, взял поданную ему Филастром крохотную фарфоровую чашечку с какао и принялся прихлёбывать его как ни в чём ни бывало.

У Нандора глаза полезли на лоб от таких выкрутасов. Он молча уселся за стол, взял другую чашку и сделал несколько глотков вкуснейшего какао.

- Вот и чудесно, - сказал баронесса. - Кстати, вы можете звать меня просто, Софи. Уверена, мы скоро подружимся, а между друзьями нет места титулам. Скажи, как тебе спалось сегодня? Твои видения не досаждали тебе?

- Нет, - ответил Нандор, с трудом отрывая свой взор от Аниша. - Я спал так глубоко, точно был в чаще леса, хотя, сказать по правде, даже в самом дремучем лесу видения не оставляют меня полностью. Просто они становятся спокойными и кроткими, и совершенно не мешают мне.

- То сны деревьев и животных, - негромко произнёс Аниш, принимаясь за вторую чашку какао. - Они не такие яркие, как человеческие, но в них много смысла и гармонии. И кстати, там обитает множество удивительных существ...

- Сны? - удивлённо переспросил юноша. - Какие сны? О чём вы говорите?

- То, что ты называешь своими «видениями», не что иное, как сны других живых существ, - ответила баронесса. - Но лучше тебе об этом расскажет Аниш. Он приехал к нам из Индии и поможет тебе многое понять о снах и о самом себе. Постарайся слушать его как можно внимательнее и хорошенько запоминай всё, чему он тебя обучит. Возможно, вскоре от этого будет зависеть твоя жизнь. И не только твоя...

Нандор захлопал глазами, не понимая, разыгрывают ли его или говорят серьёзно, но ни у кого из присутствующих не мелькнуло и тени улыбки.

- Но разве это возможно, - пролепетал он, - видеть чужие сны?..

- Да, если у тебя есть такой дар, - ответила баронесса.

- Или если ты намеренно развил его в себе, - добавил Аниш. - Кстати, ты хорошо искупался этой ночью?..

Нандор недоумённо вытаращил глаза на Аниша.

– Я?! Искупался?! – переспросил он. – Вы имеете в виду ту мраморную ванну?

– Вовсе нет, – безмятежно ответил йог. – Ты купался в Дунае этой ночью, вместе со своими друзьями, разве ты забыл?

Нандор нахмурился, а затем подпрыгнул на своём стуле и покрылся холодным потом. Он вдруг вспомнил, что действительно купался ночью со своими друзьями в Дунае, но всё это происходило в его сне!

– Как вы догадались? – выдохнул изумлённый Нандор. – Это какой-то фокус, да? Вас тоже раскрасили ваксой?

– Нет, – расхохотался йог, вставая на ноги. – Просто я, как и ты, могу видеть чужие сны. Но я не обманщик и лицемер вроде твоего приятеля Манчини, который дурит головы всяким богатым простакам. Хотя, надо отдать ему должное, он сразу понял, каким бесценным даром ты обладаешь.

– Я сразу заподозрила неладное, – вставила своё слово баронесса. – Я за версту чую обман, но этот проныра настолько точно описал мой сон, что я была в полном недоумении. Мне и в голову не пришло, что всё это проделываешь ты. По счастью, я велела навести справки и вскоре поняла, что настоящим сновидцем являешься ты, а мошенник просто использует твой неоперившийся талант в своих целях.

– Так это вы сообщили сыщикам о Манчини? – спросил Нандор.

– Нет, – замотала головой София. – Кто-то меня опередил. У меня и в мыслях не было заточить тебя в ту ужасную камеру. Впрочем, я надеюсь, что это послужило тебе хорошим уроком и впредь ты не будешь столь опрометчив в своих знакомствах...

– Никогда! – заверил баронессу Нандор, всё ещё слабо понимая, что происходит. – Но неужели всё это правда и я действительно могу видеть чужие сны?

– Ты способен на гораздо большее, – весело захихикал йог, держа чашку с горячим какао на своём вертикально поднятом мизинце левой руки и насыпая в

неё сахар, а затем наливая молоко. – Ты и представить себе не можешь, какой поразительной силой обладаешь, но не волнуйся, я тебя всему обучу. При одном условии...

– При каком таком условии? – насторожился юноша.

– «Беспрекословно следовать моим инструкциям...» – прогнусавил йог, подражая голосу Манчини. – «Шпионы повсюду... Ты должен намазаться ваксой и надеть дурацкий тюрбан...» Ха-ха-ха... Никаких условий! Я пошутил. Стоит нам только начать, и ты сам не захочешь останавливаться. Никогда!

Тут Нандор почувствовал, что у него кружится голова, и всё вокруг стало точно в тумане. Он вдруг понял, почему в его детских видениях он так часто видел себя и своих близких, – ведь это были сны его родителей, братьев и сестёр. Он также понял, почему ему вечно мерещились говяжьи косточки, когда он спал в своём сарае вместе с Угольком и почему его так часто мучали кошмары в тюремной камере, ведь он видел сны своих соседей, убийц и бандитов. Нандор вспоминал и вспоминал все свои последние десять лет его жизни, и ему становилось всё более и более очевидно, что баронесса и Аниш говорили ему правду.

– Боже, как же я был глуп! – воскликнул он, наконец. – Как же я раньше не догадался?! Я ведь едва не попал на каторгу!

– Не тревожьтесь напрасно о прошлом, – спокойно заметил Аниш. – Его больше нет. Давай-ка мы лучше обсудим сегодняшний день. В нём вся сила, друг мой.

– Но я всё равно не понимаю, что я здесь делаю, и зачем вы помогли мне сбежать из тюрьмы? – волновался Нандор. – Объясните, молю!

– Всё очень просто, – произнесла баронесса и её глаза увлажнились. – Дело в том, что у меня есть сын. Этой зимой ему исполнилось 16 лет, но в последний раз я его видела, когда ему исполнился всего лишь один годик...

Тут Софи не сдержалась и залилась горькими слезами, так что Филастр вынужден был продолжить объяснения.

– Мишеля похитили в его собственном доме, среди сотен гостей, во время грандиозного фейерверка, посвящённого дню его рождения, – сказал он. – Все лучшие сыщики были брошены на его поиски, но, увы, мальчик как в воду канул. Поначалу все надеялись, что воры потребуют выкуп и всё закончится благополучно, но время шло, а за деньгами никто не обращался. Ситуация ухудшалась тем, что мальчик постоянно рос и узнать его становилось всё труднее. Ныне покойный муж баронессы через 10 лет поисков потерял надежду найти своего сына, но не мадам де Рюд...

– Я никогда не оставлю надежды найти своего дорогого мальчика! – воскликнула баронесса, утирая слёзы. – Я чувствую всем своим материнским сердцем, что он жив, и я найду его, во что бы то ни стало, сколько бы на это не ушло времени!

– Но как я смогу вам в этом помочь, баро... София? Чем я могу быть вам полезен? – робко спросил Нандор. – Его искали лучшие сыщики, неужели вы думаете, что там, где они потерпели неудачу, справлюсь я?

– Там, где они потерпели неудачу, вам искать не придётся, – ответила баронесса. – Вы будете искать его в человеческих снах. Найдя его сон, вы отыщете и его самого, а остальное я закончу сама.

Нандор хотел что-то сказать, но слова застряли в его горле. Всё это было совершенно невообразимо для простого мальчика, выросшего в крохотной деревушке на берегу Дуная.

– Не пугайся, – мягко сказал Аниш, подходя к юноше и беря его под руку. – Всё не так сложно, как может показаться с первого взгляда. В любом случае, я здесь именно для того, чтобы, чтобы всё тебе объяснить и помочь раскрыть свой дар. Я научу тебя не просто видеть нужные сны, но и попадать в них, путешествовать в них и защищаться от Стражей, если это понадобится.

– Тогда почему бы вам самому не поискать её сына? – спросил Нандор. – Похоже, вы всё знаете и всё умеете. У вас это наверняка получится гораздо быстрее.

– Увы, друг мой, – грустно улыбнулся йог, – мои способности не столь велики, как кажется. Я действительно могу видеть чужие сны, но я не могу путешествовать в них. Я всего лишь развил с помощью специальных многолетних упражнений некоторые из способностей, что дремлют в каждом человеке, но для странствий

в Царстве снов требуется нечто гораздо большее.

- Но что? - спросил Нандор.

- Твой дар, друг мой.

- Что толку от моего дара, если за 10 лет я так и не смог догадаться, что со мной происходит? - вскричал Нандор. - Чему такой болван, как я, может научиться?

- Всему, чему пожелает, - ответил Аниш. - Тебе не стоит винить себя. Ты был слишком юн и неопытен, чтобы понять истинное значение своих видений. Никто не спешил помочь тебе, напротив, над тобой смеялись, а кое-кто даже попытался воспользоваться твоим талантом, чтобы обогатиться, что едва не стоило тебе свободы. Но теперь, всё это позади. Ты в кругу друзей, Нандор, и очень скоро ты сам убедишься, что мои скромные способности ничто в сравнении с твоим даром.

- Но что мне нужно будет делать?

- Многое, друг мой, многое, - усмехнулся йог, - но у тебя это займёт в тысячу раз меньше времени, чем когда-то потребовалось мне. За долгие годы я развил в себе способность проникать в сны других людей, но этого мало. Чтобы найти украденного мальчика, тебе предстоит отправиться в путешествие по тысячам и тысячам чужих снов, пока ты не найдёшь тот, который тебе нужен. Для этого тебе нужно будет научиться переходить из одного сна в другой - тому, что мне, увы, не по силам. Ты должен будешь переноситься из одного сновидения в другое легко и быстро, ни на что не отвлекаясь, ничего не боясь и не никогда не теряя голову. Ты должен стать Сновидцем, друг мой, и ты им станешь.

- Но разве можно облететь все сны мира, чтобы найти одного человека? - поразился Нандор. - На это не хватит и сотни жизней!

- О, не волнуйтесь друг мой, - засмеялся Аниш, показывая свои белоснежные зубы. - Время не везде течёт одинаково. Разве не случалось тебе всего за несколько минут сна прожить целый день, а то и неделю? Поверь мне, друг мой, порой всего лишь за одну ночь сна человек способен сделать гораздо больше, нежели за всю свою жизнь...

– Всё это слишком сложно, – сказал Нандор, хватаясь за голову. – Мне ни в жизнь не понять всего этого! Это невозможно!

– Невозможно лишь то, что ты считаешь невозможным, – весело рассмеялся Аниш. – Забудь это слово, друг мой, забудь и смело иди вперёд. Тогда и только тогда ты увидишь путь, что прежде был скрыт от тебя. Решительно ступай на него и не сворачивай, чтобы ни случилось, и очень скоро ты окажешься там, куда другие даже не мечтают добраться.

– Но я боюсь... – честно признался Нандор.

– Отлично, – захохотал йог. – Это превосходно и означает лишь одно – твоя цель стоит того, чтобы к ней идти. Пойми, страх всегда будет твоим попутчиком. Он как тень. Ты же не пугаешься и не убегаешь от своей тени?

– Нет, – замотал головой удивлённый юноша.

– Вот видишь, – сказал старик. – Просто продолжай идти вперёд, и не обращай на свой страх никакого внимания. Это лишь тень, и она не может управлять тобой. Понимаешь?

– Кажется, да... – неуверенно ответил юноша.

– Вот видишь, – сказал йог. – Всё проще, чем кажется. Нужно только не делать из мухи слона. Впрочем, я научу тебя и этому, если пожелаешь. В своё время я был одним из лучших в этом старинном мастерстве... Это не трудней, чем заставить собак летать и мяукать...

Нандор уставился на йога, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьёзно, но так и не смог определить этого, потому что странный старик вновь встал на голову и принялся допивать своё какао.

– Но... почему я? – спросил юноша, после некоторых раздумий. – Неужели нет никого другого? Более опытного, и знающего?

– Ты думаешь, Сновидцы растут как грибы после дождя? – захихикал Аниш. – Если бы это было так, мир был бы другим, друг мой, совершенно другим...

– Так значит, я один такой?.. – выдохнул Нандор.

– Нет... – ответил йог и впервые по его лицо на мгновение омрачилось. – Ты не один, друг мой... Я лично знаю ещё как минимум двадцать Сновидцев, не считая Странника, но сейчас все они далеко и заняты весьма важными делами, от которых зависит слишком многое...

– А что это за дела, от которых многое зависит? – поинтересовался Нандор, но йог сделал вид, что не слышит его вопроса. Он отставил чашку в сторону и прошёлся по комнате колесом.

– А не сыграть ли нам в шашки? – неожиданно предложил он. – Нет ничего лучше игры в шашки после утреннего какао. Эта простая на вид игра сложнее, чем кажется, ты не находишь, друг мой?

– Я не умею играть в шашки... – потупился юноша.

– Берусь тебя обучить в одно мгновение! – радостно засмеялся йог, снимая с полки деревянную доску и мешочек с фишками. – О, как я люблю играть в шашки!

– Берегитесь, юноша, – хмыкнул Филастр. – Я знаю Аниша много лет и ни разу не видел, чтобы кому-то удавалось его обыграть. Даже сам Ричард Баррингтон, старый безногий пират, что вот уже 30 лет сидит в одной Ливерпульской таверне и с утра до ночи играет в шашки с каждым встречным моряком, что прибывают туда со всех уголков света, не смог победить твоего наставника. Они сыграли пятьдесят партий подряд, и только в одной Ричарду удалось выиграть, да и то лишь потому, что он, по старой пиратской привычке, сжульничал...

– Не стоит раскрывать все мои секреты, Филастр, – пробубнил Аниш, пряча улыбку. – Не слушайте его, друг мой. Быть может, ты новый чемпион, а моё место в зрительном зале... Смелее! Не позволяй никому сбить себя с толку.

В тот день они говорили до самого вечера и закончили разговор, только когда на небе проступили звёзды, а Нандор, проиграв без малого сто партий, отказался продолжать.

– Нам пора прерваться и отдохнуть, – сказала баронесса. – С завтрашнего дня ты начнёшь свои занятия с Анишем, так что постарайся выспаться.

– Хорошо, София, – ответил Нандор. – Я постараюсь, если только видения не помешают мне.

– Насчёт этого не переживай, – произнёс Аниш, который весь день пил только какао, проказничал, точно ребёнок, и при этом совершенно не выглядел усталым. – Видения не потревожат тебя в той замечательной комнате, где ты расположился. Её создал сам Саиб аль Саммат Нахим, величайший в мире ловец снов и заклинатель пустынных миражей. Я лично присутствовал при том, как он одним взглядом заколдовал мираж оазиса, и прежде чем он пропал, мы смогли напоить в нём всех своих двухсот сорока трёх верблюдов и набрать сорока корзин фруктов. О, то были жаркие дни, друзья мои, а ночи и вовсе походили на извержение вулкана! Больше месяца страшная Песчаная армия шла по следам нашего каравана. Чёрные всадники не раз маячили на горизонте, и, казалось, всё потеряно, но Саиб каждый раз находил выход и, в конце концов, нам всё же удалось перехитрить своих преследователей и доставить груз в целости и сохранности. А после, друг мой, была битва! Смертельная схватка среди жарких песков, омываемых горячим морем. Вороные лошади смешались с белыми верблюдами и, несмотря на страшный зной, от которого, казалось, вот-вот расплавится песок, я хорошо помню, как кровь застыла в моих жилах, когда уцелевшие всадники Гирмсафага бросились в свою последнюю атаку на наши ряды, развернув свои чёрные знамёна и опустив тяжёлые каменные забраля... Да, то был великий день, Нандор... Когда-нибудь, я расскажу тебе о нём.

Аниш застыл, точно вновь услышал отголоски той жуткой битвы, а затем продолжил.

– Словом, друг мой, будь спокоен. Пока дверь твоей комнаты закрыта, ни один чужой сон, плохой или хороший, не сможет проникнуть внутрь. Позже я научу тебя защищаться от чужих снов в любом месте, но пока ты учишься, ты будешь ночевать там, чтобы поутру твоя голова была свежей, словно роса, а мысли спокойными, как звёзды в полночном небе.

– Едва ли я усну теперь... – покачал головой юноша. – У меня в голове будто бы бушует ураган, и мысли мечутся, будто сорванные листья.

– Так успокой эту бурю! – рассмеялся Аниш. – Твои мысли, это единственное, чем ты действительно владеешь в нашем мире. Будь их хозяином, а иначе они сделают тебя своим рабом. Просто попробуй обуздать их и смотри, не сдавайся после первой же неудачи! На это, как и на всё остальное, тебе потребуется время, но ты скоро поймёшь, что каждый твой шаг стоил потраченных усилий. Иди, друг мой, и скорее засыпай, потому что я разбужу тебя ещё до зари. Спокойной ночи.

Нандор попрощался со всеми и поднялся в свою удивительную комнату. Сомнения вновь одолевали его и он тщательнейшим образом ощупал стены, пол и дверь, но, само собой разумеется, не нашёл ничего примечательного, потому что настоящее волшебство обычно совершенно незаметно.

– Неужели всё это правда? – бормотал он, оставив свои попытки разгадать загадку комнаты и ложась в кровать. – Быть того не может! Таких чудес просто не бывает... Как в такое можно поверить? Ладно, попробую уснуть...

Но едва юноша закрыл глаза, как десятки разных мыслей нахлынули на него и закружились перед глазами, точно назойливые чайки над рыбным рынком. Они кричали и ссорились, не желая улетать, но юноша не сдавался и, стиснув зубы, упорно разгонял их, представляя себе чистое, безоблачное небо. Чайки негодовали и несколько раз даже пытались клюнуть Нандора, но постепенно трепет их крыльев и гомон голосов начал становиться всё тише и тише, пока не стих вовсе. Нандор улыбнулся, повернулся на бок и крепко уснул, довольный, что одержал свою первую маленькую победу.

Глава 7

Той ночью Нандору вновь снились берега родного Дуная, бескрайние пшеничные поля за деревенскими домиками, персиковая роща на пригорке и весёлый смех детворы, играющей в догонялки. Даже Уголёк был рядом с ним и весело скакал вокруг, пытаясь схватить мальчика за штаны.

– Уголёк, хватит! Уголёк, не надо! – хохотал Нандор, уворачиваясь от не на шутку расшалившегося друга. – Мама будет ругаться, если я опять приду домой в рваных штанах! Уголёк, погоди! Фу!

Но Уголёк не желал останавливаться и с громким лаем продолжал носиться вокруг, притворно скаля свои маленькие, но весьма острые зубы.

– Уголёк – сидеть! – неожиданно послышался чей-то голос из-за спины Нандора, и Уголёк сел как вкопанный, став похожим на маленькую чёрную статую.

Мальчик обернулся и ахнул – напротив него стоял, а точнее полулежал в воздухе, опершись на один локоть, его учитель Аниш.

– Просыпайся, – улыбнулся йог. – Уже утро. У нас полно дел.

– Ты снова в моём сне? – воскликнул Нандор. – Но как ты сюда попал?

– Я в твоей комнате, – улыбнулся йог. – Стою у кровати и щекочу твой нос пёрышком. Чувствуешь?..

У Нандора вдруг отчаянно зачесалось в носу, и он несколько раз подряд громко чихнул

– Но как тебе удаётся попадать в мой сон? – спросил юноша, замечая, что всё вокруг него начинает дрожать и таять.

– Этому я и собираюсь тебя научить, – ответил Аниш. – Вставай и пошли. Мы должны встретить рассвет в горах. Тот, кто поступает так ежедневно, обретает спокойствие и мудрость. Идём или я начну щекотать тебя по-настоящему!

Юноша мигом открыл глаза и действительно увидел у своей кровати хихикающего йога.

– А ты не замёрзнешь в одних штанах? – спросил Нандор, оглядывая лёгкий наряд йога. – Утром в горах зябко даже летом.

– Я больше не обращаю внимания на такие пустяки, как холод или голод, – ответил Аниш. – Я закалил своё тело и подчинил себе свой разум. Теперь они служат мне, а не я им. Но пойдём же скорей, солнце не будет ждать даже тысячу мудрецов...

Через пять минут они покинули замок и начали подниматься в гору по узкой каменистой тропинке, петляющей среди скал. Воздух был свеж и морозен, и поначалу юноша продрог до костей, но уже спустя несколько минут ему наоборот сделалось ужасно жарко от быстрой ходьбы, и он ежеминутно утирал пот. Аниш поднимался вверх легко, точно это была ровная и гладкая дорога. Иногда он оглядывался на Нандора и озорно улыбался.

– Прибавь-ка шагу, друг мой, а то я уже устал плестись как черепаха! Если мы и дальше будем так медлить, то поспеем как раз к закату!

Запыхавшийся Нандор молча прибавлял шаг, дивясь поразительной выносливости старика, и едва поспевал за ним. Подъём казался бесконечным, и Нандор почти уже не чувствовал ног, как вдруг Аниш исчез, словно провалился куда-то и юноша понял, что они на месте. Из последних сил юноша преодолел последние метры и поднялся на плоскую вершину как раз в тот момент, когда красный шар солнца показался из-за соседнего пика и озарил своим светом безжизненные камни вокруг и изумрудную долину далеко внизу.

– Устраивайся поудобнее, друг мой, и расслабься, – сказал йог, расстелив на камне прихваченную из замка небольшую циновку. – Сновидец всегда должен быть расслаблен и спокоен. Следуй моему примеру.

Йог закрыл глаза, сел на циновку и сложил на груди руки. Однако не успел юноша последовать его примеру, как Аниш легко перевернулся и встал на голову, скрестив над собой ноги.

Нандор недоуменно потоптался на месте, не зная как ему поступить, но в этот момент наставник открыл один глаз и тихонько засмеялся.

– Не пугайся! Тебе совершенно необязательно стоять на голове. Просто сядь прямо, закрой глаза и дыши ровно и спокойно.

Нандор сделал всё, как велел ему Аниш, и они минут двадцать сидели молча, успокаивая своё дыхание и приводя в порядок мысли. Поначалу, это занятие показалось Нандору жутко скучным. Мысли-чайки снова стали донимать юношу, но он уже умел управляться с ними и довольно быстро прогнал их прочь, вновь представив себе безоблачное небо и медленно поднимающееся над горами солнце.

- Отлично, - услышал он голос йога. - Ты быстро делаешь успехи, друг мой.

- Ты что, можешь читать мои мысли? - немного испугался Нандор, приоткрыв глаза

- Нет, - засмеялся Аниш. - Никто не может читать мысли человека, пока он не спит или не позволяет этого делать. Я просто чувствую, как от тебя начинает исходить покой.

- А на что это похоже? - спросил Нандор.

- Это как... - начал йог. - Это как если ты держишь в руках большую чашку с горячим шоколадом и чувствуешь его тепло сквозь стенки. Это ни с чем не спутаешь. Ты скоро поймешь. А теперь вставай, сделаем зарядку.

Нандор вздохнул и поднялся.

- Повторяй за мной, - скомандовал йог и начал крутить головой, руками и ногами, да так быстро, что у Нандора слегка закружилась голова. В конце упражнений, Аниш свернулся, как змея, так что юноша даже не мог толком понять, где у него находятся руки, а где ноги.

- Ну, что же ты стоишь, повторяй! - сердито сказал йог, но юноша видел искорки смеха в его глазах и понял, что тот снова дурачится.

- В следующий раз, - ответил Нандор, смахивая пот со лба. - Уф, ну и утомился же я нынче! Зачем всё это нужно? Разве во сне мне понадобятся сильные руки и ноги?

- Нет, - ответил Аниш, - во сне тебе не нужны будут сильные руки и ноги. Во сне тебе будут нужны спокойствие, бесстрашие и сообразительность.

- Зачем же мы тогда лезли в гору и делали все эти упражнения? - удивился юноша. - Я еле дышу, а нам ещё предстоит спускаться вниз, к замку. Неужели нельзя просто сидеть где-нибудь внизу? Например, в кровати...

- Лень – главный враг ума, друг мой – очень серьёзно ответил Аниш. – Развивая и укрепляя своё тело, ты укрепляешь и свой характер, делая его нестигаемым перед лицом испытаний. Ты должен заботиться о своём теле, правильно кормить его и ухаживать за ним, и тогда оно не будет причинять тебе никаких хлопот, и ты сможешь спокойно покидать его, отправляясь в путешествия в Царство снов и парить легко и непринуждённо, точно облако.

- А это опасно, путешествовать в снах? – спросил Нандор.

- И да, и нет, – ответил Аниш. – Всё зависит от того, насколько хорошо ты подготовлен к этому путешествию.

- А на что это похоже? – не отставал от йога юноша.

- Хм, – пробормотал старик. – Это похоже... Это похоже на пропасть, над которой тебе нужно пройти по натянутому канату. А теперь скажи мне, легко ли сделать это обычному человеку?

- Нет, – замотал головой юноша. – Обычному человеку это едва ли под силу...

- Верно, – согласился старик. – Но что если на месте обычного человека там оказался бы цирковой гимнаст? Вроде тех, что ты видел в цирке, когда работал там?

- Ты и это знаешь? – изумился Нандор.

- Да, друг мой, – улыбнулся йог, – но в этом нет никакой магии. Просто баронесса разузнала всё о твоём прошлом и поведала мне, чтобы я лучше понимал тебя. Так что, смог бы хороший цирковой гимнаст пройти над пропастью или нет?

- Смог бы, – ответил Нандор. – Он даже смог бы при этом петь весёлую песенку и жонглировать горящими факелами. Я однажды видел такое – это было очень жутко и здорово!

- Вот видишь, – сказал Аниш, – далеко не всё зависит от глубины пропасти. Зачастую самое главное это кто идёт по канату.

– А я смогу пройти по этому канату? – спросил Нандор, начиная понимать, к чему клонит старик.

– Да, – убеждённо сказал Аниш, глядя в глаза юноше. – Ты рождён для этого, друг мой. Даже я не смогу справиться с этой задачей лучше тебя. Но я помогу тебе научиться, как не поддаваться страху и... петь песенки и жонглировать горящими факелами над бездонной пропастью. Увидишь, это весело!

– А что случится, если я всё же испугаюсь? – спросил Нандор.

– Абсолютно ничего, пока ты находишься в своём собственном сне, – ответил учитель. – Но стоит тебе переступить его грань и оказаться в чужих снах, как случиться может всё что угодно, друг мой... Жуткие твари из Изнанки снов могут схватить тебя и растерзать на части... Ужасный Чёрный ураган может подхватить тебя и унести по ту сторону сновидений, откуда никто ещё не никогда возвращался... Стражи Снов могут напасть на тебя и заключить в темницу безвременья, где даже вечность покажется тебе одним коротким мгновением... Великое множество опасностей поджидает тебя на пути, друг мой... Великое... Именно поэтому я и учу тебя спокойствию и самообладанию. Только это важно в царстве снов, всё остальное лишь мираж, лишь грёзы твоего беспокойного разума. Когда ты полностью познаешь науку бесстрашия, друг мой, мир вокруг тебя навсегда переменится, и ты станешь абсолютно новым человеком. Отчаянье, страх, ненависть или тревога никогда более не завладеют твоим сердцем. Ты станешь Избранным и проживешь такую жизнь, о которой другие не смеют даже мечтать.

– А кто они... эти... Стражи Снов? – с опаской спросил юноша. – На кого они похожи?..

– Они похожи на великанов, если ты боишься великанов, друг мой, – ответил Аниш. – Они также похожи на ужасных драконов, если ты боишься драконов. Они могут явиться в образе привидений, если ты страшишься призраков. Они – это твои кошмары, Нандор. Они гнездятся в самой тёмной пещере твоего сердца, и вырываются на свободу, почуяв твой страх...

– То есть, они все похожи на чудовищ?.. – прошептал Нандор, чувствуя, как сжимается его сердце.

– Да, – сказал Аниш, пристально глядя на Нандора – они похожи на чудовищ. Вроде тех, что живут под Старым мостом в водах Рыбачьего омута и ночами любят всплывать на поверхность, чтобы полюбоваться луной...

– Но как же мне побороть их? – спросил похолодевший юноша, ничему уже не удивляясь. – Существует ли какое-то оружие, способное их одолеть?

– Несомненно, – последовал ответ учителя. – Такое оружие всегда имеется. Оно хранится в той же самой пещере, где живут твои чудовища. Ты должен отыскать её, смело войти внутрь, и завладеть им. Тогда и только тогда, ты обретёшь власть над своими кошмарами и сделаешь первый шаг, чтобы стать настоящим Сновидцем. Но для начала, друг мой, я научу тебя входить в чужие сны. Ты готов?

Аниш сел на землю, закрыл глаза и через пару секунд Нандор внезапно увидел видение, в точности повторяющее окружающий пейзаж, с той лишь разницей, что йог не сидел на земле перед ним, а с улыбкой парил в воздухе, чуть выше головы юноши.

– Заходи, – сказал Аниш, делая широкий приглашающий жест. – Смелее.

– Куда заходить? – не понял Нандор.

– В мой сон, конечно же, – засмеялся йог. – Куда же ещё? Ты же не думаешь, что то, что ты сейчас видишь, реально? Давай!

– Но как? – удивился юноша. – Что я должен сделать?

– Просто представь, что ты уже тут, стоишь рядом со мной, – нетерпеливо пояснил Аниш. – Ну же! Ты почти внутри, раз можешь это видеть. Вперёд, Сновидец!

Нандор глубоко вздохнул, точно собрался нырять в холодную воду, и сделал один робкий шаг вперёд. Йог оглушительно захохотал, крутясь в воздухе, точно юла, и хлопая себя по ляжкам.

– Тебе не нужно «идти», – сказал он, утирая слёзы. – Ты должен «представить», что ты «идёшь». Попробуй ещё раз. Это просто. Сконцентрируйся.

Юноша крепко зажмурился и представил, как он подходит к йогу и в тот же миг оказался подле него.

– Отлично, – похлопал его по плечу Аниш. – И совсем не трудно, верно? В следующий раз будет ещё легче.

– Я что, и вправду в твоём сне? – недоверчиво спросил Нандор, оглядываясь по сторонам.

– Именно так, – ответил Аниш. – Не веришь? Что ж, тогда представь, что ты взлетаешь...

Нандор представил, что он парит в небе как птица и тут же поднялся в воздух, всё выше и выше, покуда Аниш не стал походить на муравья.

– Я лечу! – восторженно кричал юноша, выделявая в воздухе забавные кульбиты и совершенно не боясь упасть и разбиться. – Я умею летать! Я птица! Я летаю! Ты видишь это, Аниш?! Я могу летать по воздуху!

– Я всё отлично вижу, – раздался спокойный голос йога. – И кстати, тебе совершенно не обязательно махать руками точно ветряная мельница...

Аниш легко парил рядом с юношей, будто бы лежа на мягком невидимом диване.

– Это же чудесно, уметь летать! – продолжал кричать Нандор, кружась вокруг улыбающегося йога.

– О, у тебя ещё будет вдоволь времени, чтобы насладиться полётом, – сказал старик, следя за проделками Нандора. – Давай спускаться...

– А что ещё я могу делать? – спросил юноша, подлетая к учителю.

– Всё, на что у тебя только хватит воображения, – ответил Аниш. – Но предупреждаю, тебе не следует слишком увлекаться подобными развлечениями

и прочими удовольствиями. Сны могут быть очень, очень коварны, друг мой... Ты всегда должен быть начеку, если не хочешь оказаться в беде. Следуй за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/naumov_aleksey/snovidec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)